ПИОНЕР

ДВУХНЕДЕЛЬНЫЙ

ДЕТСКИЙ ЖУРНАЛ

№ 20



СОВЕТЫ  ВОЖАТОГО

Будь готов на смену комсомолу!

Недавно мне довелось быть на торжественном собрании ячейки партии и комсомола. Присутствовало множество рабочих. Вечер в большом, ярко украшенном и светлом зале рабочего клуба был посвящен Международному Юношескому Дню и Детской Неделе. И вот на этом вечере, под общие дружные аплодисменты всех присутствующих, под звуки оркестра музыки, передавали пять лучших ребят в комсомол; было их: 2 девочки пионерки и трое ребят. Лица ребят расплылись в блаженную, радостную улыбку, когда вручили им новенькие билетики Ленинского комсомола. И казалось, что дороже всего этим ребятам, сегодня вступившим в комсомол, эти маленькие билеты.

Отряд в комсомол передал лучших своих ребят, которые за год пребывания в пионер-организации научились работать, прошли школу юных ленинцев и, конечно, достойны быть в рядах комсомола.

Комсомол является вождем и руководителем организации юных пионеров,—и не только на параде, демонстрации или вечере строится связь пионеров с комсомолом, а в той ежедневной работе, которую проводит комсомольская ячейка.

О чем задумываются часто юные пионеры

От ребят часто слышишь, что вот, мол, комсомольцы иногда поступают так, что и учиться у них нечему. Вы, говорят, нам советуете брать пример с комсомольцев, а комсомольцы курят, часто ругаются, и, не понимая, отчего это происходит, пионеры, перешедшие в комсомол, сами как-раз начинают перенимать скверные привычки, которые наблюдаются среди комсомольцев. Конечно, это неверно. Те нехорошие стороны, которые наблюдаются часто среди комсомольцев, происходят оттого, что комсомольцы выросли и получили воспитание в условиях иных, чем пионеры. С этими отрицательными явлениями комсомол борется, и вовсе не значит, что нужно у комсомольцев перенимать эти скверные стороны. Ведь, если бы все комсомольцы до поступления в комсомол были в рядах пионеров, имели ли бы они эти привычки? Конечно, нет. Вот этого не следует забывать и, связываясь с комсомолом, нужно учиться у него той большой работе, которую он сейчас проводит.

НОВЫЙ ЛЕНИНЕЦ

Пусть с заплатами рубаха,
Пусть парнишка босиком,
Но играют у Ивахи
Глазки синим огоньком.

Хоть одет Иваха бедно,
Но несказанно он рад—
Шею смуглую победно
Нынче обвил красный плат!

Не легко ему он дался:
Мать ругала, бил отец. ..
Но желанного дождался
Шустрый парень наконец.

И таких теперь не мало
По советским деревням,
Ребятишки рвутся смело
К жизни новой, светлым дням.

Пионер **Михаил Сечко**
Ленинград

Какая связь у нас часто бывает

Строится ли у нас правильно связь с комсомолом? Понимают ли правильно пионеры свою задачу подготовки в комсомол?

До сих пор нельзя еще сказать, что все обстоит благополучно. Когда читаешь или слушаешь отчет пионеров о проделанной работе, то очень мало в нем упоминается о связи пионеров с комсомолом. Не только пионеры мало знают, что делается, чем живет ячейка, но ячейка комсомольская, кроме вожатых, очень слабо знает, что делают пионеры.

Живая связь с комсомолом

Пионерская организация—живая организация, и связь с комсомолом должна быть живой. Лучшими комсомольцами считают тех, кто принимает активное участие в работе своей организации, кто выполняет определенную работу. В пионерском отряде есть также активные ребята, в первую очередь—это вожатые звеньев. Совет отряда должен обсудить, как строить лучше связь с комсомолом, распределить между собой отдельную работу по связи. Но это не значит, что отдельные только пионеры-активисты должны быть связаны с комсомольцами, от-

(Окончание на третьей странице обложки).

ГОД ИЗДАНИЯ 2-й

К борьбе за рабочее дело—будь готов!

ПОДПИСНЫЕ ЦЕНЫ
На 12 м.—5 р. 60 к.
„ 6 „ —2 „ 95 „
„ 3 „ —1 „ 55 „
„ 1 „ — „ 60 „

ПИОНЕР

ДВУХНЕДЕЛЬНЫЙ ИЛЛЮСТРИРОВАННЫЙ ДЕТСКИЙ ЖУРНАЛ
ОРГАН
ЦЕНТРАЛЬНОГО БЮРО ДЕТСКОЙ КОММУНИСТИЧЕСКОЙ ОРГАНИЗАЦИИ ИМ. В. И. ЛЕНИНА
ПРИ ЦК РЛКСМ И НАРКОМПРОСА

АДРЕС РЕДАКЦИИ и КОНТОРЫ: Москва, Н. Площ. 6/7, Из-во „Молодая Гвардия"

№ 20 | 25 Октября | 1925 г.



А. ГОРЛОВ
член Бюро Центр. Комитета РЛКСМ

Славная годовщина

29 октября—день славной годовщины рождения Комсомола.

Семь лет прошло с тех пор, как Комсомол начал свое существование. Комсомол — основатель детского коммунистического движения. К вступлению в его ряды готовят себя и юные пионеры. Именно поэтому каждый пионер и пионерка должны знать историю Комсомола.

Прошлое Комсомола — это непрерывная героическая борьба рабочей и крестьянской молодежи под знаменем Российской Коммунистической Партии.

Первый с'езд Российского Коммунистического Союза Молодежи состоялся 29 октября 1918 г. Это был первый год существования Советской власти, первый год действительного освобождения рабочих и крестьян. Впервые стало возможным создать сплоченную юношескую организацию. До этого при самодержавии, в условиях царского гнета, это было невозможно. Февральская революция пробудила к активной деятельности рабочую и крестьянскую молодежь. По всей стране стали возникать различные культурно-просветительные кружки и организации рабочей и крестьянской молодежи.

Но только после Октябрьской революции стало возможно об'единение всех этих распыленных организаций в единый мощный Коммунистический Союз Молодежи. Буквы «РКСМ», помещенные на знаменах молодежи, должны были означать, что наш союз является союзом коммунистическим, т.-е., что он борется за то же, за что борется и наша большевистская партия.

И до этого с'езда и после него лучшая часть рабочей и крестьянской молодежи боролась с оружием в руках рядом со своими отцами и старшими товарищами против помещиков и капиталистов. Во время гражданской войны, когда приходилось защищать Советскую страну, Комсомол был в первых рядах. Лучшие его силы отдавались на борьбу за дело освобождения трудящихся. Десятки тысяч молодых товарищей были Комсомолом вовлечены в борьбу, тысячи сложили в бою свои головы, сражаясь под его боевым стягом.

Комсомол—детище РКП.

Он всегда шел вместе с ней, помогая ей в борьбе, в ее работе. Как только гражданская война стала затихать, Комсомол под руководством РКП принялся за новое дело,—за дело восстановления наших фабрик, заводов и сельского хозяйства.

Нужно готовить смену для старших рабочих,—Комсомол строит школу фабзавуча, где молодые рабочие готовят себя к труду.

Нужно укреплять сельское хозяйство—Комсомол берется за организацию школ для крестьянской молодежи, где молодые крестьяне учатся правильному ведению хозяйства.

Для того, чтобы участвовать и помогать партии строить хозяйство в стране—нужно учиться. Тов. Ленин бросил комсомольцам клич: «учиться, учиться и учиться»,—и десятки тысяч молодых рабочих и крестьян пошли на учобу.

За эти семь лет Комсомол вырос в организацию, насчитывающую полтора миллиона комсомольцев. Бок о бок с Комсомолом растет пионерское движение.



Все эти достижения были возможны только благодаря завоеваниям рабочего класса и только благодаря руководству **славной** его партии—РКП (б.).

В день седьмой годовщины Комсомола—крепче спайку пионерских и комсомольских дружин, глубже работу по подготовке будущих комсомольцев, выше знамя с именем Ильича, знамя преданности нашему славному вождю—РКП.

Труд, учоба и организованность—вот наш лозунг, вот наш салют.

А. Горлов

Л. Зилов

Рис. худ. Гринвальда.

ПЕРЕЛЕТ



1.

Как-то утром на печке появилось об'явление:

ОТЛЕТ
воздушной эскадрильи
В КИТАЙ
ровно в 10 часов утра, завтра, на аэродроме, под яблоней.

Об'явления ждали давно. Катя с Надей завизжали и выскочили на крыльцо. Аэродром под яблоней был накрыт газетными листами, под которыми что-то таинственно топорщилось. Леша, стоя на стуле, натягивал бечевку с красными флажками.

Дети жили на окраине Москвы около окружной жел. дор. Домик был у них маленький и стоял во дворе, перед домиком был палисадник, а за домиком тянулся огород, который оканчивался болотом, покрытым кустарниками и изрытым канавами для осушения. Летом у них было хорошо, не то, что в самой Москве: было, где развернуться. Леша любил читать газеты и вот вычитал известия об отлете эскадрильи в Китай и на домашнем совете было решено устроить наглядный перелет самолетов.

С трудом дотерпели до 10 часов, когда раздались три удара в таз. Вышла с флагом друг за дружкой из-за сарая манифестация, которая состояла из Леши, Кати с Надей и соседских ребятишек.

Леша был—Шмидт *), Катя—Рыков.

Рыков взошел на крыльцо и произнес речь о значении перелета, потом поцеловался на прощанье со Шмидтом, потом Шмидта качали и кричали ура. Шмидт подошел к аэродрому и сорвал прочь газеты. На посыпанной песком площадке стояло пять аэропланов и от каждого тянулось по три бечевки наверх, на чердак.

Рыков взбежал по лестнице на чердак и спрятался там. Шмидт раскланялся и замахал кепкой. «Латышский Стрелок» вдруг зашевелился, приподнялся и медленно заскользил по бечевкам на чердак.

— Ура!—закричала манифестация.

Едва «Стрелок» долез до половины, дрогнула «Правда» и потянулась за ним, потом отправились в путь и остальные. Со «Стрелком» чуть было не случилась авария, когда он пролезал в чердачную дверь, но рука Рыкова во-время спасла его. Затаив дыхание, манифестация проводила все самолеты. Шмидт взбежал на чердак и снова взмахнул кепкой.

— Шмидту ура! — кричали соседские ребята и долго не хотели расходиться.

Затем на стену чулана Рыков повесил карту пути, а вернувшийся Шмидт воткнул флажок поблизости от Москвы.

День за днем появлялись на печке краткие телеграммы, и флажок на карте подвигался все дальше и дальше.

2.

Перелет через Урал был обставлен торжественно. Снова утром собралась манифестация и замерла в ожидании у крыльца. Время шло томительно долго. Слышно было, как за сарайчиком оживленно переругивались Шмидт с Рыковым.



Наконец, появился со слезами на глазах, возбужденный Рыков, произнося по адресу Шмидта последнее проклятье и, указывая на кучу сена между сарайчиком и тополем, об'явил прерывающимся голосом:

— Товарищи, перед вами горный хребет Урала на горизонте замечена наша эскадрилья. Сейчас будет происходить перелет. Внимание.



Ура!—закричала манифестация.

*) Шмидт—начальник советской воздушной эскадрильи (группа аэропланов), совершившей нынешним летом перелет в Китай.

К концу речи Рыков успокоился, вытер подолом слезы и громким шопотом, заглядывая за сарайчик, сказал:

— Начинай.

Из-за сарайчика донесся все еще сердитый голос Шмидта:

— Без тебя знаю.

Бечевки, тянувшиеся из-за сарайчика и привязанные к водосточной трубе, зашевелились, сено зашуршало, и на вершине Урала появился, ковыляя носом, «Латышский Стрелок».

— Вон, вон. Эскадрилья лезет...

— Кричи, ребята, ура!

Но «Стрелок» завяз в сене и как ни дергали за веревочки, он только кувыркался и никак не мог слезть с места. Шмидт за сарайчиком кипел негодованием.

— Катька, чего ты там застряла. Тяни веревку. Тяни же, ну.

Но Рыков сколько ни старался, ничего не мог сделать.

Соседский Сережка не вытерпел и пришел на помощь. Но едва он взлез на Урал, как получил тумака от раз'яренного Шмидта. Верхушка кучи от падения Сережки сползла, и «Стрелок» оказался освобожденным.

Бечевки снова быстро задвигались, и самолеты друг за дружкой, миновав благополучно перевал, совершили перелет и снизились к водосточной трубе. Через горный хребет перескочил Шмидт, подбежал к Рыкову и, обозвав его рохлей, торжественно об'явил:

— Эскадрилья пробыла в воздухе пять часов, покрыв расстояние в полторы тысячи миль. Условия перелета осложнялись воздушными ямами и магнитными бурями. Самолеты советской конструкции блестяще выдержали мировой экзамен. Ура!

Манифестация так постаралась с приветствием, что прибежала испуганная соседка посмотреть, не случилось ли чего.

— Ишь, оглашенные, как орут. До родимчика испугать можете.

— Слово для приветствия и по текущему моменту международного положения предоставляется товарищу председателю губисполкома,—об'явил Рыков.

— Тетка Марья, ты у нас губисполкомихой будешь. Говори приветствие.

— Тетка Марья нам сейчас о международном положении расскажет. Слушай, ребята.

— Ишь вы, что выдумали озорники, да меня белье в корыте дожидается. Орудуйте сами.

И губисполкомиха убежала. После приветствия и доклада самолеты были поставлены в ангары, в сарай и флажок на плане торжественно воткнут в Екатеринбург.

3.

Следующие дни Леша пропадал на огороде, не забывая, однако, следить за газетами и переставлять флажок. А Рыков с Надей занялись воспитанием котят, которые за последнее время совсем от рук отбились.

Неожиданно появившееся на печке об'явление приглашало граждан присутствовать при перелете через тайгу. Вечером Шмидт с Рыковым повели ребят на болото за огородом.

Густые заросли кустарника, тайга, были окутаны едким дымом от заглушенного костра. Это был туман над тайгой. Ребят Шмидт заставил лечь на животы, и через некоторое время, потрясаемые бурно-колыхавшимися, невидимыми в дыму, бечевками, появились самолеты.

— Летят, летят!—перешептывалась манифестация, не обращая внимания на подмокшие от росы животы.

— Товарищи,—возгласил Рыков,—перед вами дикая сибирская тайга, раскинувшаяся на десятки тысяч верст. Сквозь густой туман, находя направление по одному лишь компасу, пробираются наши отважные самолеты к Байкалу. Это один из самых трудных перелетов в мировом масштабе. Тайга кишит дикими зверями — перебил его таинственно Шмидт,—вы слышите вой волков. Слышите, слышите: трещат ветви под ногами бизонов и слонов. Вон крокодил лезет из реки...

— Крокодил? В тайге нет крокодилов,—усомнилась манифестация.

— Это не важно. Ближе к делу, товарищи,—оборвал Шмидт.

— Шипят змеи, и тайга полна дикарей, людоедов,—продолжал Рыков.

— Ай, ай! Боюсь,—захныкала младшая из манифестантов.

— Молчи, Манька. А им каково лететь-то.

— Да мне холодно, тут мокро.

— Дура. Их людоеды с'есть могут, а ей холодно....

— Но вот наша самоотверженная эскадрилья минует тайгу. Близок Иркутск. Тяни, тяни,—шепчет Рыков, и самолеты направляются в сторону ребят и снижаются на кочку.

4.

Приготовления к перелету через Байкал были чрезвычайно сложны. Целых два дня Шмидт, Рыков и Надюшка толклись в грязи у канавы, сотни раз перелезали ее, устанавливая шесты и натягивая бечевки, бегали по приказанию Шмидта домой за разными принадлежностями, перетащили на канаву давно заброшенную самодельную лодку и, водрузив на нее мачту и антенну, поставили в заранее вырытую бухту.

Манифестанты то и дело прибегали справляться, когда будет переправка через Байкал. Наконец, все было готово, и все шумной толпой побежали через огород на канаву.

— Товарищи,—об'явил Шмидт,—в виду полной неисследованности воздушного пространства над Байкалом и возможности атмосферных ям, комиссия по организации перелета через Байкал отправляет для исследования пути пароход с радио. Громковещатель будет вам сообщать о результатах.

Шмидт задрал штаны, ухватил веревку, привязанную к лодке, и, залезши в канаву, потащил ее

по воде и, время от времени, складывая ладоши, изображал громкоговоритель и кричал:

— На востоке 20 ям, на севере 5.

— Была не была,—заявил Рыков,—эскадрилья трогается.

Шмидт бросил лодку и, едва не упав в воду, перелез на тот берег, и бечевки потянули самолеты в опасный путь. Они скрылись за кустами, и ребята напряженно смотрели на вышку, около которой стоял Шмидт, дожидаясь прибытия эскадрильи.

Но вот, к удивлению манифестации, «Латышский Стрелок» повернул обратно.

— Что такое, почему он возвращается?

«Латышский Стрелок» наткнулся на воздушную яму,—поясняет Шмидт,—и нуждается в починке. За «Стрелком» возвращается и «Правда».

— Та же история—успокаивает зрителей Рыков.

— Аэропланы чинятся и улетают.

— А почему же остальные не сломались,—спрашивает соседский Ванька Рыкова.

— Они не должны сломаться. По газетным сообщениям потерпели повреждение только два аппарата.

5.

— Ура!—закричал в это время Шмидт,—они уже в Монголии.

— Ура!—закричала манифестация, и все стали перепрыгивать на тот берег канавы, в Монголию.

Эскадрилья снизилась и сидела на навозной куче.

Шмидт произнес:

— Монгольцы будут сейчас говорить приветствие славной советской эскадрилье.

Тогда Рыков сел на корточки около кучи и, руками растянув глаза, как у китайцев, стал говорить на непонятном языке, что-то в роде «шалды-балды». Соседский Ванька удивился и спросил Рыкова-монгольца:

— А разве ты, Катька, знаешь по-монгольски?

А Маньке опять стало страшно.

— Это ничего,—сказал Шмидт,—хотя русские и не понимают монгольцев, но члены эскадрильи понимают, что это приветствие.

После этого последовал перелет через палисадник, который изображал Монголию. Рыков все время шел за эскадрильей, растянув глаза, и непонятно бормотал.

— Это монгольцы провожают наших—об'яснил Шмидт.

Вдруг раздался пронзительный крик — оказалось, что Шмидт, дергая веревочки при переправе через заросль лебеды, наступил на кошачий хвост. Рыков сделал страшное лицо и сказал:

— Это тигр. Монгольцы их страшно боятся, а они едят у них детей.

Манька окончательно испугалась и разревелась так, что прибежала ее мать и, выругав манифестацию, унесла ее домой.

6.

Утром погода оказалась хорошей, и на печке появилось об'явление: «Сегодня перелет эскадрильи через Гоби».

Манифестация двинулась в огород, следом за Рыковым и Шмидтом.

— Эскадрилья совершает последний наитруднейший перелет через безлюдную пустыню Гоби, населенную только львами и тиграми. Монгольцы провожают отважных путешественников и даже плачут, потому что им жалко бедную эскадрилью,—сказал Рыков и изобразил плачущих монгольцев.

— Эскадрилья трогается,—об'явил Шмидт:—монгольцы кричат: до свиданья, приезжайте в гости, пишите.

И Рыков кричит перевод по-монгольски.

— Ах, какие монгольцы добрые,—вздыхает Манечка.

— Манифестация, кричи ура,—командует Шмидт, дергая бечевки.

— Ура!—ребята в восторге ожидают увидеть все трудности перелета.

— Эскадрилья уже летит над Гоби,—сообщает Рыков,—летчики смотрят вниз и очень пугаются, потому что Гоби огромная пустыня, по которой бегают львы и тигры, а в некоторых местах есть волки, слоны и даже гориллы.

— Ах, какой ужас,—говорит Надюшка, а Манечка опять пугается.

— Разве можно брать с собой маленьких в такие страшные местности,—говорит Рыков Манечкиной сестре Нюре, — невозможно! С ней еще припадок какой-нибудь сделается, это бывает с нервными людьми.

Нюра согласна с Рыковым, но мать ей велела няньчиться с Манечкой, а не может же она пропустить перелет через Гоби.

— Ого,—кричит Шмидт, —«Латышский Стрелок» сейчас заблудится в пустыне.

— Зачем,—спрашивает Сережка,—нельзя ли без этого.

— Невозможно. Он должен заблудиться по газетным сообщениям.

— Что это «Стрелок» все проштрафляется.

— Слабже других, должно быть.

Манифестация недовольна «Стрелком». Только Надюшке жаль его:—как бы слоны не с'ели его или гориллы.

— Нет, все кончится благополучно,—утешает Шмидт.

— Да, но все же «Стрелок» находится в очень затруднительном положении, так как заблудиться в пустыне—не шутка,—добавляет Рыков, который ненасытен насчет приключений и опасностей.

Эскадрилья скрылась за кустами, а несчастный «Стрелок» сел на гряду с репой и задумался о своей судьбе.

— Это летчики совещаются, как быть дальше,—сказал Шмидт,—а тем временем остальные самолеты уже прибыли в Пекин.

Манифестация, шагом марш в Пекин, встречать эскадрилью,—скомандовал Рыков.

— А как же «Стрелок»-то?—спросил Сережка.

— Он один лучше справится. Идемте, а то опоздаем,—уже получена телеграмма о прибытии эскадрильи на границу китайской республики.

Манифестация отправилась к дому Шмидта и Рыкова, где на шесте висела вывеска «Пекин».



Время от времени, складывая ладоши, он изображал громкоговоритель и кричал: «На востоке 20 ям, на севере—5!»

7.

Вступительное слово для ознакомления граждан с Китаем предоставляется товарищу Шмидту,—об'явил Рыков.

— Китай находится, находится ... за Сибирью. Столица его Пекин, население—китайцы, которые похожи на монгольцев. Рыков покажет наглядно.

Рыков опять растянул глаза, только еще сильнее, чем прежде, и присел, поджав под себя ноги.

— Китайцы,—продолжал Шмидт, — угнетенный бедствующий народ. Целые дни и ночи напролет они стирают белье и торгуют материей и шнурками для башмаков. Их ребятишки бегают по улицам, едят кошек и ловят ножи для забавы буржуев. Они вечно голодные и замученные. Лозунг китайской империи: «Руки прочь от Китая».

Окончив речь, Шмидт прибавил:

— Советская эскадрилья была восторженно встречена туземным населением, во главе с министром. Рыков, изобрази наглядно.

Рыков исчез в дом и вернулся, закутавшись в одеяло с надетой на голову корзиной из-под овощей.

— Это китайский министр. Обыкновенно китайцы ходят почти голые, им не на что купить платье.

Рыков-министр махал руками и непонятно говорил. При чем, чтобы вышло гнусаво, зажал нос пальцами. Ему казалось, что так нужно для важности.

— Министр сказал длинную речь, — об'яснил Шмидт,—и пригласил летчиков к себе обедать.

— Но они не пошли,—закричал Рыков, разжав нос,—потому что все были очень опечалены, они боялись, что «Стрелок» пропал без вести,—добавил Шмидт. Несколько дней про него не было ни слуху ни духу... Но вот, однажды, когда уже все отчаялись....

Шмидт стал изо всех сил тянуть бечевки.

— И вот, однажды,—начал он снова.

— Летит, летит!—вдруг закричал Ванька.

— Ай, да «Стрелок», летит!

И правда, «Стрелок» появился на территории Китая.

— Ур-ра! «Стрелок» прилетел,—закричали все.

— Товарищи встретили «Стрелка» восторженно,—сказал Шмидт,—все самолеты взлетели на воздух и стали кувыркаться вокруг «Стрелка».

— Очень обрадовались,—об'яснил Рыков,—так как думали, что его с'ели львы.

Шмидт стал дергать за бечевки и так усердно, что многие оборвал, и самолеты, вместо того, чтобы кувыркаться в воздухе, остались сидеть на земле.

— Затем, сказал Рыков,—летчиков напоили китайским чаем, прямо с куста, и они пошли спать, потому что страшно устали.

8.

Тут внимание манифестации было привлечено грохотом колес по мостовой и звоном колокольчиков.

— Пожарные едут,—закричал Рыков, бросая одеяло и скидывая с головы корзину.

— Пожарные,—Нюра схватила Маньку на руки и побежала за ворота.

— Пожарные,—и, уронив мимоходом шест с вывеской «Пекин», Шмидт ринулся следом.

Вскоре Пекин опустел вовсе, эскадрилья отдыхала, а летчики могли спокойно допивать свой китайский натуральный чай, наслаждаясь видом стирающих и продающих шнурки китайцев.

И. Лунашин

Рис. А. Соколова-Аси.

ЗАМЕСТИТЕЛЬ

I

Сегодня у Кирилки такой счастливый день, которому и названия-то не подыщешь... А много ли их было в жизни?

Как сейчас, помнит он этот, и до сих пор, сверкающий радостью день.

И тогда маленькая грудь Кирилки готова была разорваться от внезапного счастья. Это был тот день, когда неожиданно на пороге покрививвшейся хатенки показался его отец. Кирилка с матерью думали, что он сгинул где-нибудь. И вдруг нырнул в дверь, как солнышко из-за туч...

Кирилка и сейчас, как-будто, смотрит на отца: помнит, как сияла улыбка на его лице, сияла так же, как и его кожаный пиджак. Помнит, как весело и крепко поцеловал отец мать, потом его, Кирилку, поднял, ровно щепку, легко так, к потолку и сказал:

— Славный будет заместитель...



Неожиданно на пороге покрившейся хатенки появился отец.

Отец дома пожил одну неделю. Матери он, кроме пуда муки, которую он привез, оставил еще слова:

— Не скучай Марина. Жив буду—заживем, убьют—не обидит власть... своя власть.

Помнит Кирилка, как мать сморщила, словно подожженная березовая корка, лицо, уткнула его в подушку и долго не вставала. Отец стоял у постели и беспокойный гладил рукой распущенные ее волосы. Кирилка детским чутьем боялся тогда нарушить эти минуты, но, не желая оставаться в одиночестве, подходил к отцу осторожными шагами, заглядывая в его светлые глаза. Отец мягко дотрогивался до лица Кирилки, похожего на нечищенный самовар, и опять говорил приятные слова:

— Ты у меня заместитель на ять будешь. Кровь у тебя отцовская, буйная, да и мать неплохая. Ты, сынок, с осени в школу отправляйся. Какой тебе пошел-то?

Спрашивал, а голос дрожал... ведь завтра его здесь не будет.

— Девять уже,—отвечает за него мать.

— Де-евять!—восхищается отец.—Ну, так пора Интернационал знать.

— А какой я буду заместитель?—осторожно спросил Кирилка.

— Узна-аешь, когда до моих плеч вытянешься. Мне Иван Павлович говорил про тебя: молодец, говорит, у тебя Кирилка... Так, вот, обязательно, чтоб в школу. Мозги порохом начинять. Понял?—любовно сказал отец.

Рано утром отец простился со всеми, и с тех пор Кирилка больше не видел его.

Мать несколько дней ходила, ровно осужденная на смерть. Потом долго болела.

Кирилка бегал в школу, выучился тянуть Интернационал, но понимать еще как нужно не мог.

— Большой буду—узнаю,—ковырялся в мозгах Кирилка.

— Мамк, Иван Павлыч хлаг велел сделать красный.

Мать у печи с горшком воевала. Оглянулась.

— Не мешай, а то вот двину кочергой...

С легкой обидой шмыганул на улицу и в школу понесся. Иван Павлыч наказ давал:

— Помните, ребята: дисциплина, чтобы того... порядок. Не горланить чтоб зря. Все Интернационал выучили?

— Все!—первым сказал Кирилка.

Еще три дня до праздника.

На праздник Кирилка с ребятами за пять верст в исполком ходил. Там сбитнем угощали. Кирилка обнюхал все уголки. Вечером толкался в читальне, что

была при волости. Слышал много слов, и глаза его все время скользили по стенам, где висели портреты каких-то людей.

— Мамк, Иван Павлыч говорил на комедь приходить. Сказал, чтоб и мамки были. А хлаг у Петьки нашли.

— На какую комедь?

— Отец бы достал в чулане... Жа-алко тебе, — захныкал Кирилка.

— Уйди, сверчок, пока кочерга не поцеловала. Выдумщики...

Проскочила зима. От отцовской муки одно воспоминание осталось... Надеялись на урожай, а урожай подвел всю деревню. Хлеб на полях чернел чахоткой, не зерном, а злобой наливался. И деревня застонала. Маленькая деревня в пятьдесят с небольшим дворов закачалась от голода... Люди умирали и по дворам ходили жуткие рассказы. На дверях, как черные нарывы, болтались замки.

Мать сказала Кирилке:

— Помрем, сынок... От отца опять ни слуху, ни духу. Поеду на теплую сторону...

Кирилка понял эту страшную необходимость.

Брызнул слезами.

II

Привезла Марина хлеба, а есть не пришлось: поймала дорогой болезнь лютую и свалилась...

Как-то утром Кирилка подошел к матери, а мать застыла вся... Смотрит на Кирилку глазами и как-будто сказать что хочет, а не шевелится. Бросился из избы и заголосил по деревне.



Каждое утро ходил под слюнявые с сосульками окна.

Пришел учитель Иван Павлыч, что другом отцу был. Посмотрел на мать и сказал Кирилке:

— У тебя мать теперь—власть советская. Больше не за кого держаться.

Проглотила ненасытная земля тело Марины. Кирилка долго не уходил от могилы. Поливал ее сиротскими слезами... И теперь каждый новый день приносил Кирилке трудности, с которыми нужно было бороться по-детски... На маленькие плечи навалилась нужда. А у людей—глаза волчьи.

Маячился по деревне. Животом своим опухшим мозолил совесть людскую. Ходил Кирилка с болью в груди, носил эту боль, как камень каленый. Только и хорошего было, когда к Ивану Павлычу придет. Придет к Ивану Павлычу и легче станет. Кирилку хлебцем накормит. Словами мягкими наделит... И когда Кирилка уходил от него, он всегда думал об одном:

— Добрый Иван Павлыч. А почему он только один добрый? Другие на деревне—злые, нехорошие...

Решил обязательно спросить.

Какая-то правда жила в груди Ивана Павлыча. Кирилка так чувствовал. Спросил однажды:

— А кто коммунисты такие?

Иван Павлыч оторвал свое клетчатое лицо от местной газеты «Советский Путь» и ласково ответил:

— Коммунисты, Кирюньк, самые простые люди. Во-первых, буржуев не любят, злых людей...

— А у нас в Конотопцах тоже буржуи? — перебил Кирилка.

Иван Павлович пояснил:

— Буржуев у нас нет, разве только Капитон Михеев, лавочник,—знаешь? А народ от темноты злой... Непросвещенный. Твой отец—тоже коммунист был.

—Мой тятька лучче всех.

— Зна-аю. Мы с ним еще в старое время добивались жизни хорошей для людей. А теперь—я вот здесь, а тятька твой Колчака добивать пошел. Вырастешь—все узнаешь...

Кирилка успокоился.

Не заметил Кирилка, как снова зима подкатила. А зима эта не любит сирот шлянных... Завыла, как пьяная.

Кирилка каждое утро ходил под слюнявые с сосульками окна... Молча стоял он, пока не бросит кто огрызок от черного каравая или не махнут рукой.

— Проходи дальше...

Забрел раз за околицу. Ветер облапил Кирилку. Поцеловал макушку, в лицо ему засмеялся. Шепнул что-то ласковое.

Лег на обдутый бугорок отдохнуть. И опять мысли, но только уж другие:

— Коммунисты добрые... А люди ночевать не пустят... Впереди разговор колес послышался. Кирилка испугался. Устремил туда глаза. Из-за леса точка показалась черная. Через несколько минут телега поравнялась. В передке на телеге—мужик с огненной бородой, а за ним дядя в блестящем пиджаке, в таком же, как и у отца был.

— Стой!—сказал дядя.—Спросить надо... Поди-ка сюда, малец.

Щелкнул какой-то штучкой в руках. Закурил. Кирилка подошел, отирая шапкой заплаканное лицо.

— Э-э, да тебя кто-то обидел, парнюга?! Далеко-ль до волости-то? Здешний?

— Из Конотопцев. До волости, никак, верст шесть аль семь будет.

— Дорога-то эта самая?

— Прямо по большаку, дяденька.

— Ну трогай, а то опоздаем,—сказал бороде дядя.

Кирилка открыл рот и ждал хороших теплых слов...

— Постой,—снова остановил он возницу.—Совсем забыл... Ты говоришь из Конотопцев?

— Да, дяденька.

— Заеду из волости на обратном пути. Скажи там Манухину Кирилке, чтоб ждал. Знаешь такого? Коммунист отец у него. Обожди я в книжку загляну. Незнакомый дядя вынул из кармана блокнот, полистал его и через минуту добавил:

— Правильно: Кирилл Манухин.

— Меня тоже Кирилкой Манухиным кличут. А тятька за Колчаком пошел и не вертается...

— Кирилкой?! Ивана Павлыча, учителя, не знал?

— А я к нему хотел, дяденька, — с трудом выпустил из груди Кирилка.—В город...

— Да ты я, вижу, самый и есть?! Садись, а то время мало. Ну, да: в точности, как говорил Иван Павлович—барабан красный.

Телега затараторила по колчам. Буянка загнул баранкой хвост, брехнул на кого-то и пустился сбоку.

— Это что-ж семейство твое?—пошутил уполномоченный из профсоюза.

— Собачка моя. Она не злая, дяденька.

— Не злая? Люди злые,—добавил уполномоченный.

— Ну, вот, Иван Павлыч в город тебя возьмет, в пионеры... Понял?

— Это какие пионеры?

— Пионеры штука для тебя не маленькая. Эх ты, Манухин сын! Тогда поймешь, малыш.

— А товарищи есть там?

— Иш ты,—подчеркнул возница.—Любопытный... Слыхал и я про ейного отца. По Москве раньше шатался. В каких-то димократах был. Ну, ничего, человек хороший будто, говорили. Набалуется там в городе... А намеднись ехал по слободе—одни фулиганты!...

— Это верно,—согласился уполномоченный.

— Где будем останавливаться?—спросил борода.

— Налаживай в исполком.

Кирилка почувствовал у себя бодрость и смело заговорил с незнакомцем:

— А я у Капитона лавочника работал. Слыхали, дяденька, такого? Иван Павлыч буржуем его зовет...

— Слышал.

У Кирилки на лице улыбка скользнула.

— А вас товарищем можно звать?—не унимался Кирилка.

— Ну, я вижу, из тебя настоящий пионер выйдет. На все сто... Так и зови: товарищ Наумов.

Переехали большую лужу, несколько ухабов. Телега ныряла, как люлька карусельная.

— Горе!—вздохнула борода.—И когда только на порядок выйдем?! Ишь дорога-то... а на самогон—портки последние не пожалеют.

— Правильно, отец,—подчеркнул Наумов.—А выпить, пожалуй, и сам не откажешься.

— Бывает... Таить не буду, товарищ. В городе, тож, все пьяные и пьяные.

Собрание товарищ Наумов устроил экстренное. Спешил в город: к празднику Первое мая. В исполком принесли три лампы. Мужики набились вплотную. Наумов не стал разводить доклад. Просто и коротко изложил цель своего приезда: об организации ячейки союза батраков. Мужикам это понравилось. А главное, нравилось им обхождение с ними. Разошлись удовлетворенные. Наумов сам слышал, как говорили:

— Настоященский коммунист, а не какой-нибудь. У нас председатель—коммунист разве? Рвач, сукин сын. На масленице нажрался и давай на попе по деревне верхом ездить. Сраму сколько!...

Наумов записал, чтобы проверить.

— Мальчонка-то спать никак хочет, куда вы с ним деваться-то будете?—сказал возница.

— Ладно. Запрягай, — ответил Наумов. — До Конотопцев доедем, а там передохнем до зари у Кирюньки. Так что ли?—ласково хлопнул его по плечу Наумов.

— Охота-ж вам возиться,—не утерпел возница.— Теперича, к примеру, отдохнуть бы вам, как след... Который день мотаетесь.

— Да-а! Значит не отказался бы, говоришь?— полусерьезно перебил Наумов.

— Чудной вы, Петра Николаич! Я это к примеру только, а вы....

Дело наше такое. Не затем и революцию делали. Из него ведь можно что угодно сделать—и хулигана, как ты давеча сказал, и гражданина умного.

— Оно так,—полезая в затылок, сказал возница.—У меня, к примеру, у самого Никитка сокмолец. Да только и виснет на девках. Призыкнешь когда слегка—мало резону...

Под'ехали к осиротелой хате Кирилкиной. Открыли дверь. Зашуршали ночные жители... А Кирилка улыбался сном в телеге. Даже вознице, такому равнодушному и привычному ко всему, не хотелось нарушать Кирилкин покой. Распрягал, не спеша, мерина. Наумов за лампой в сельсовет побежал.

Через несколько минут все уладилось: Наумов достал из портфеля кусок ветчины и отрез белого хлеба.

Возница пыхтел, выколачивая посогрейку. При свете лампы его огненная борода отливалась золотым блеском.

— Пачкайся,—весело сказал Наумов Кирилке. Набивай барабан-то покрепче, а завтра в городе будем на празднике. Маевку справлять. С ребятишками под музыку пойдешь. Эх ты, карась советский.

— Я дяденька, не карась, а Кирилка. И депутатом буду. А еще ливольверт куплю.

— Ну до этого еще далеко. Сначала в пионерах побудь, а потом...

— Сам с наперсток, а какие мысли... Сразу генералом хочет быть,—шутливо заметил возница.— А добрый вы, Петра Николаич.

(Окончание в след. номере)



Мы бросились по склону горы.

О. Эрдберг

С'езд под пулями

ИЗ ПРОШЛОГО КОМСОМОЛА *)

На 20-е апреля назначен областной с'езд. Для того, чтобы обмануть бдительность шпиков, в последний момент с'езд был перенесен за город, верстах в двадцати от Феодосии, в маленький дачный поселок Коктебель. Три десятка белых домиков, суровые, с причудливыми обрывами, скалы и высокие горы обступили на берегу синего, изумрудно-зеленоватого моря.

Торжественная тишина, необ'ятный шатер неба и мощные изгибы горных кряжей заставили нас забыть обо всех опасностях.

К вечеру с'ехались все делегаты от О. К. партии, Союза молодежи и из уездов, и мы решили открыть с'езд.

Выбрали президиум...

На папиросной бумаге вели протокол условными знаками.

В спорах забыли опасности и повышали голоса, но никто не замечал этого...

*) Действие происходит в Крыму в 1920 г., при господстве Врангеля.

Доклады с мест. Какое бодрое и радостное чувство! Организация растет, завязываются новые связи; момент, когда можно будет вступить в бой, близок.

Высокий, худой и нескладный Илья—делегат севастопольской организации, рассказывает, как обстоят у них дела.

— Флот—наш. «Кагул» согласен по приказу Ревкома повернуть орудия на город. Суда, стоящие на рейде, не опасны, так как в момент восстания мы затопим баржу у входа в море, а обстреливать город с рейда невозможно. На бронепоезде «Волк» можно ночью снять замки с орудий, а второй бронепоезд—наш. Пошлем его на помощь Симферополю, Феодосии.

Мы произвели обложение буржуазии, так что в деньгах недостатка не чувствуем. Связь с тюрьмой поддерживаем через уголовных. В профсоюзах одержали полную победу; из семи членов Совпрофа—четыре наших. Есть ячейки в татарских деревнях, в болгарских и греческих колониях...

«Союз молодежи». У нас образовался Областной Комитет. Организации имеются во всех уездах, кроме Севастополя. Самые сильные ячейки у печатников.

ЧТО ЧИТАТЬ

«СССР».—Вера Васильева, из серии книг **«У костра».** В книжке 32 стр., цена 8 коп. Изд. «Молодая Гвардия».



В книжке Васильевой в живой форме рассказывается о том, как из далекого городка Кологривова приезжает отряд пионеров посмотреть Москву, где они попадают на открытие Всесоюзного С'езда Советов. На С'езде они видят и слышат членов правительства, а также и делегатов разных национальностей, с'ехавшихся со всего Союза.

Из речей, произнесенных на с'езде, ребята узнают, какой была Россия в царское время и какой стала теперь, как жилось разным национальностям в старое время и теперь, узнают, как и кем управлялась страна раньше и теперь, как хозяйничают капиталисты в соседних с нами странах, и многое другое.

Каждый пионер должен прочесть эту книжку.

ТЕАТРАЛЬНАЯ РАБОТА У ПИОНЕРОВ — Б. Юрцев, 11 стр., цена 50 коп. Изд-во «Молодая Гвардия».



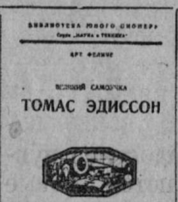
Книжка дает массу практических указаний и подробно раз'ясняет, как надо наладить театральную работу среди пионеров. В книжке говорится о задачах пионерского театра, старом школьном театре, о репертуаре, о выборе пьес. Подробно раз'ясняется также, как ставить пьесу, и, что особенно важно, приводятся наглядные примеры.

В книжке говорится и о том, как ребята могут сами написать пьесу, как оборудовать сцену, как сделать простые декорации, костюмы и грим.

В книжке имеется много поясняющих рисунков.

Книжка Юрцева — необходимое руководство для каждого отряда.

ВЕЛИКИЙ САМОУЧКА ТОМАС ЭДИССОН.—Арт. Феличе, 48 стр., цена 13 коп. Изд. «Молодая Гвардия».



Читаем мы при свете электрической лампочки, едем в трамвае, слышим говорящую машину—граммофон, видим живые картины — кино и всем мы этим обязаны Эдиссону.

Только в области одного телеграфа им сделано больше 200 изобретений.

Жизнь Эдиссона богата всевозможными приключениями и лишениями. Не имея возможности даже учиться в школе, он самоучкой приобретает знания и делается знаменитым изобретателем.

Книжка об Эдиссоне научит ребят находчивости, упорству и уменью бороться в стремлении к поставленной цели.

Благодаря этому мы взяли на себя печатание и распространение всей партийной литературы. Разведка и контр-разведка работают примерно: имеем связи во всех воинских частях.

При боевой дружине организована террористическая группа и подрывная команда, проделавшие уже ряд операций. Просветительная работа не прекращается: еженедельно собираются все коллективы, читаем доклады, ведем собеседования... Чувствуем острую нужду в квартирах...

Ялта, Евпатория, Симферополь... Доклады с мест окончены. Уже ночь—пора кончать. Отправляемся купаться. Море блестит, искрится светом радия. Когда бросаешься в воду, каскады серебристых, блестящих брызгов вырываются вверх.

На утро заседание продолжается. Доклад О. К.: деревня, отношение к другим партиям, о работе в профсоюзах, военный вопрос. Докладывает Николай—председатель Областного Ревкома, смуглый армянин с угловатыми неловкими жестами и пытливым взглядом:

— После городских провалов работать в городе трудно. Время отдельных террористических актов миновало; почва подготовлена; нужно мобилизовать всех партийцев и комсомольцев, перейти в лес, об'единить вокруг себя дезертиров и недовольных тяжелыми повинностями крестьян,—создать повстанческую армию. Ц. К. татарской партии «Мимфарка» обещает деятельную поддержку. Их сторонники в деревнях готовы доставлять нам продовольствие и лошадей.

Оружие есть. Через какие-нибудь три недели мы уже сможем прервать сообщение между Симферополем—Ялтой, на Севастополь и Ялтой—Феодосией.

Наши первые повстанческие отряды у станций Альма и на Ай-Петри послужат ядром, вокруг которого мы организуем остальных. Как базу и опорный пункт Ревком изобрал Шат-гору. Пленные красноармейцы готовы присоединиться к нам. Мы можем создать внутренний фронт против белых.

План Ревкома, очевидно, всех удовлетворяет. Но товарищи возражают против отдельных пунктов, вносят новые предложения.

В это время в комнату входит татарин Эмер. Он, очевидно, взволнован. Шепчет, наклоняя к нам свое изрытое оспой лицо:

— Товарищи, в Коктебель приехали белые на трех линейках—человек 20 и трое верховых. Остановились на берегу моря и смотрят на поселок...

Все вскакивают. Складываем «нелегальщину» в один пакет, и я сую его в карман. Надо быстро удаляться.

Досылаю патрон моего испанского браунинга; кто-то вкладывает обе «лимонки» *) в карманы пиджака. Решаем разбиться попарно и уйти в горы, там продолжать работу... Через окна задних комнат прыгаем в сад и быстро поднимаемся в горы.

Мы отошли всего с версту от Коктебеля. И здесь, на склоне сросшихся гор «Две Сестры», решили продолжать заседание. Нам осталось не больше часа работы: кончить «военный вопрос» и выбрать О. К. Палящее солнце уже клонится к западу.

Расположились в котловине, на сухой, пыльной, выжженной солнцем траве.

Нас 13 человек, но только шестеро вооружены; четыре женщины и один пожилой товарищ, толстый чернобородый Матус, непригодны к бою,—в случае столкновения будет плохо. Надо быстрее кончать и расходиться. Желание поскорее обсудить важные вопросы окончательно убило нашу осторожность. Мы поработали всего полчаса, как вдруг, обернувшись, шагах в пятидесяти от нас, на гребне горы я увидел рослого малого в потертом костюме и смазных сапогах. Он только-что заметил нас, обернулся и закричал:

— Сюда! Сюда! Они здесь!...

*) Гранаты.

Шпик и я одновременно подняли револьверы, но я выстрелил первый. Парень согнулся и скрылся по ту сторону гребня. В то же мгновение из-за склона горы, над самыми нашими головами вынырнуло человек 15 с винтовками в руках. Сталкивая друг друга, мы бросились по склону горы. Грохнул залп, и затрещали отдельные выстрелы. Пули со свистом жужжали вокруг нас, взрывая столбики земли.

«Обошли... Разрывными стреляют...»—мелькают в голове обрывки мыслей.

— Где наши?

Внизу бегут наши впереди и сзади меня.

Оборачиваемся, стреляем и опять несемся вперед. Вдруг Илья делает огромный прыжок и с раздробленным черепом падает у моих ног. Капли крови и мозга обдают мое лицо.

Бежим по руслу высохшего ручья. Оглядываюсь—со мной Фоля. Он сжимает «парабеллум» и тяжело дышит.

Здесь никто не видит, и пули белых не достигают нас. Я быстро зарываю пакет с нелегальщиной под куст, и мы бежим дальше.

Выбегаем в долину. Выстрелы все грохочут, и горное эхо разносит их далеко окрест. Наши бегут впереди. Слева видим три фигуры: в одной из них узнаем Николая.

Это хорошо: врассыпную легче скрываться. Тяжело дыша, бежим дальше. Сердце стучит невыносимо, и двигаться все труднее. Я два раза упал, больно окровавил себе колени об острые камни.

— Куда теперь?—спрашивает Фоля.

Не понимаю вопроса. Отвечаю:

— Береги на себя последний патрон. Живыми не сдадимся.

Фоля остановился, посмотрел на меня и нервно рассмеялся.

— Что ты! Уйдем...

Вдруг справа опять белые — трое всадников. Увидев нас, они спешиваются и открывают огонь из винтовок. Отвечаем. Я заряжаю браунинг неполной обоймой с последними тремя патронами. Опять бежим вперед. Быстро бежать нельзя, так как надо прикрывать отступление наших женщин и невооруженных. Надо перевалить через цепь гор, окаймляющих долину, и тогда мы спасены.

Наконец, снова крутые склоны гор! Всадники прекращают преследование, так как их лошади не могут итти по обрывам. Мы взбираемся наверх, цепляясь за сухой и колючий кустарник. Уже темнеет... Мы пробежали не меньше семи верст. Все тело ломит. Голова кружится от быстрого бега. Во рту какая-то тягучая, липкая слизь, страшно мучает жажда.

Наверху горы нагоняем наших. Уже темно. Прошли еще версты три и спускаемся в балку отдохнуть. Считаем, кого недостает: Илья убит, Хмыльку задержали—кто-то видел. Николая, Матуса, Тони и Нюни тоже нет. Может-быть, пойманы, может-быть, ушли в другую сторону.

На утро следующего дня мы были уже в Феодосии. Остановились у знакомого кучера в конюшне. Как только стемнело, двинулись в город на разведки, узнать о причинах провала.

Ночью опять сошлись в конюшне и обменялись сведениями.

Провал произошел таким образом: на квартиру Геймана — организатора с'езда — пришел какой-то высокий блондин в студенческой фуражке. Назвался членом Областкома Акимом, сказал пароль и представил мандат за подписью Николая. Просил указать ему, где с'езд, так как в Симферополе арестованы наши, и что он должен срочно видеть Николая. Он-то и оказался предателем.



На взморье. Пионеры в Крыму. Фотогр. Ф. Зубкова.

ФОТО-ГАЗЕТА ПИОНЕРА № 20

Единый фронт с профсоюзами Англии



[Конгресс английских тред'юнионов в Скарборо. Сверху: руководители левого крыла английских профсоювов (справа налево) Персель, Брамли (ныне покойный). Снизу: президиум с'езда.

Профсоюзы Англии, в течение долгих лет проводившие политику соглашательства с буржуазией, наконец, начинают вступать на революционный путь. Последний с'езд, состоявшийся в сентябре в г. Скарборо, единогласно одобрил создание англо-советского профсоюзного комитета единства.

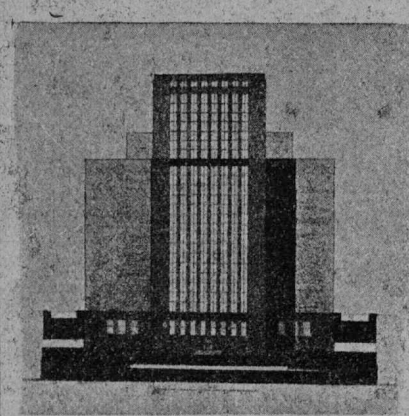
Таким путем создан единый фронт 11 миллионов рабочих двух крупнейших стран мира.

Прибывшая на английский с'езд делегация профсоюзов СССР, во главе с тов. Томским, была горячо принята делегатами. После приветствия т. Томского зал с'езда впервые в истории английского профессионального движения огласился звуками «Интернационала».

Резолюции с'езда вызвали ярость всей буржуазии и искреннюю радость в рабочих массах.

Институт им. В. И. Ленина при Ц. К. Р. К. П.





Слева: вид спереди. Справа: вид сзади.

Строящееся в Москве новое здание института Ленина, в котором собраны все материалы о жизни и деятельности Владимира Ильича.

А. Жаров.

За рубежом

Жуть разгулялась на свете.
Скоро ль придет ей конец?
Жалкие малые дети
Ищут где мать и отец.

Скоро землица остынет,
Грянет колючий мороз.
Как же тут быть:
Ведь, в овине
Не домолочен овес.

Сир, одинок, беззащитен
Наш развалившийся кров.
Как же тут быть, раскажите,
В зиму
Без хлеба и дров?..

Солнышк[о] холодом светит.
Осени бл[из]к конец,
Жалкие [малы]е дети
Ищут, г[де м]ать и отец.

Крепко захлоп[нуты] ставни.
Ждут: может б[ыть], постучат...
Был на село к[ак]-[то] недавно
Прислан жанда[рс]кий отряд.

Ах, не з[аб]ыть это утро,
В хату в[ошл]и патрули.
Били отц[а п]очему-то.
Ну, а пот[ом] увели.

Мать, умоляя, рыдала,
Вышла потом из сенец...
Тоже куда-то пропала.
Как запропал и отец.

Да и вернутся ли больше?
Может быть, их не вернут?
Даст ли им
Кто-нибудь в Польше
Хлеба, ночлег и приют?

Плачут и думают дети.
Наша же дума—о них,
И обо всех, и об этих
Двоих.

ИНТЕРНАЦИОНАЛ ПИОНЕРОВ



Секретарь ЦК РЛКСМ тов. Чаплин говор[ит] речь. За столом президиум (слева направо):] норвежский пионер Рогнер Нордли, секретарь К[И]М тов. Хитаров и немецкий делегат тов. Эрнст.

23 сентября открылась в Москве первая международная конференция детских коммунистических организаций. Кроме делегатов СССР, прибыли делегаты: из Германии, Норвегии, Швеции, Голландии, Дании, Финляндии, Австрии и Франции. Из каждой страны прибыли и комсомольцы, руководители детской организации и пионеры.

Конференция [обс]удила все насущные вопросы дет[дв]ижения: о политическом положени[и] и задачах детдвижения (т. Шилл[ер]), компартия, комсомол и пион[еры] (т. Паасонен), о детдвижении [в] СССР (т. Зорин), о школьной ра[бо]те (т.т. Баматтер и Эрнст). На к[он]ференцию прибыл член центрально[го] комитета германской коммунисти[че]ской партии, теоретик и один из основателей детского коммунистического движения в Германии т. Гернле.

Иностранные ребята-пионеры посетили ряд московских отрядов и клубов, где были восторженно встречены пионерами. В следующем номере «Пионера» будут помещены подробные материалы о конференции.

Пикорская эпидемия

I

На отрядную работу
В школу в клуб его не взять.
У него одна забота
Быть пикором и писать.





2

Что ему житье отряда?
Поп, фашисты вереницей—
Всех поддеть заметкой надо.
И строчит про всяких гадов
Быль и небылицы.

3.

Пишет «коротко и сжато»
Дело и безделье,
И в редакции ребята
Ахнули и сели.



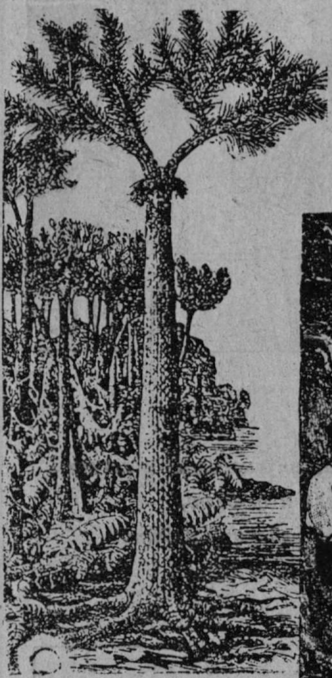
Привет советских летчиков в Токио



Встреча советских летчиков представителями японской печати на аэродроме.

А. Олешкевич

В шахте





СЛЕВА:—заболоченный лес каменноугольного периода.

СПРАВА: — что осталось от него в наше время (глыба каменного угля, сохранившая очертания ствола).

Гриша родился еще до войны с Германией в рабочем поселке, в степи, около одной из бесчисленных каменноугольных шахт Донецкого бассейна.

Он вырос на улице, вдоль которой тянулись потемневшие от дыма и каменноугольной пыли кирпичные маленькие домики и неприветливые однообразные казармы.

Улица—черное месиво из степного чернозема и каменноугольной пыли. Почти черная течет вода по канавам, черна и трава, растущая по ее берегам.

Сами люди, живущие здесь, черны, и как ни стараются отмыться по воскресеньям и праздникам, все же в порах их кожи и в уголках глаз всегда остается глубоко в'евшаяся каменноугольная пыль.

На второй год войны Грише исполнилось десять лет. Его отец, такой же углекоп, «шахтер», как и все, кто жил в поселке, решил, что мальчику пора заняться делом.

Как сейчас, помнит Гриша, как он взволнованный, но полный любопытства, шел с отцом по шумному двору шахты. Работа была в полном ходу. Воздух дрожал от крика людей, стука повозок и тачек, грохота вагонов и вагонеток. А наверху вертелось большое колесо, которое Гриша наблюдал уже много лет издали. Оно часто было неподвижно, но иногда начинало вертеться сначала медленно, потом все скорее, так скоро, что спиц не было видно,— и под конец снова медленно.

На высоких помостах над землей катились тачки и вагонетки, полные угля; под ними двигались товарные поезда, принимали в себя уголь, который беспрестанно изрыгала из-под земли шахта, и увозили его куда-то далеко.

В стороне, из коксовых печей поднимались столбы огня и облака дыма и пара. Копоть и угольная пыль падали сверху. Они вошли в большое кирпичное здание, находившееся прямо под колесом, и Гриша был ошеломлён множеством вагонеток, пустых и полных угля, которые катили здесь рабочие в разных направлениях. Посреди комнаты был виден черный деревянный сруб, уходивший сквозь потолок наружу. В нем висела на цепях железная клеть.

Отец велел Грише войти в нее, вошел сам, к ним присоединились еще несколько рабочих, и вдруг пол провалился под ногами у Гриши, и он в ужасе схватился за стены клетки, которая быстро опускалась вниз по длинной черной шахте.

Движение все ускорялось, и Грише стало нехорошо, он почувствовал, что сердце у него останавливается, и воздуха для дыхания не хватает. Однако, через несколько секунд это ощущение прошло; к тому же стремительное опускание клетки стало замедляться и, наконец, она совсем остановилась.

Загремела железная дверь, и они очутились в большом черном помещении, потолок которого был укреплен деревянными подпорками. Красные огни дымящих ламп едва рассеивали окружающий их мрак. Отсюда в нескольких направлениях шли низкие, черные галлереи.

Тут только Гриша окончательно понял, что он находится глубоко под землей.

Гриша с интересом осматривался вокруг, как вдруг он услышал мерный гул в одной из галлерей. Спустя несколько секунд оттуда показалась лошадь, ведущая за собой поезд вагонеток, нагруженных углем. На первом вагончике, грудью на угле, лежал рабочий. Он подвез поезд к самому под'емнику, соскочил и стал отпрягать лошадь. Затем припряг ее к поезду пустых вагончиков; приехавшие сверху рабочие, в том числе Гриша с отцом, расселись по вагончикам, и поезд тронулся обратно в темноту.

Гришу поставили на работу в одной из галлерей, по которой проводилась перевозка угля от тех мест, где он выламывался, к под'емной шахте. Эта галлерея называлась ш т р е к о м. По ней рабочие откатывали вагончики вручную.

Обязанности Гриши состояли в том, чтобы дежурить у большой деревянной двери, перегораживавшей штрек, отворять ее для пропуска людей и вагончиков и снова затворять. Ему об'яснили, что это необходимо для направления тока воздуха, проветривающего подземные выработки.

Дело в том, что воздух под землей очень спертый и нечистый. Портится он и от дыхания людей и лошадей, и горения ламп, но больше всего его отравляет присутствие рудничного газа, выделяющегося из каменного угля. Кроме того, под землей очень жарко.

Вот почему всегда приходится в шахтах устраивать искусственную вентиляцию. Делается обыкновенно две шахты. Наверху одной из них, которая называется вентиляционной, ставится мощный вентилятор, колесо с лопастями в роде ветряной мель-

ницы. Вентилятор приводится в действие каким-нибудь двигателем и высасывает испорченный воздух, а на смену ему из другой шахты приходит свежий воздух сверху. Чтобы заставить свежий воздух входить во все галлереи выработки, а не итти кратчайшим путем, в некоторых местах делают деревянные стены и двери. Эти перегородки заставляют воздух сворачивать и попадать в те места, где он особенно нужен.

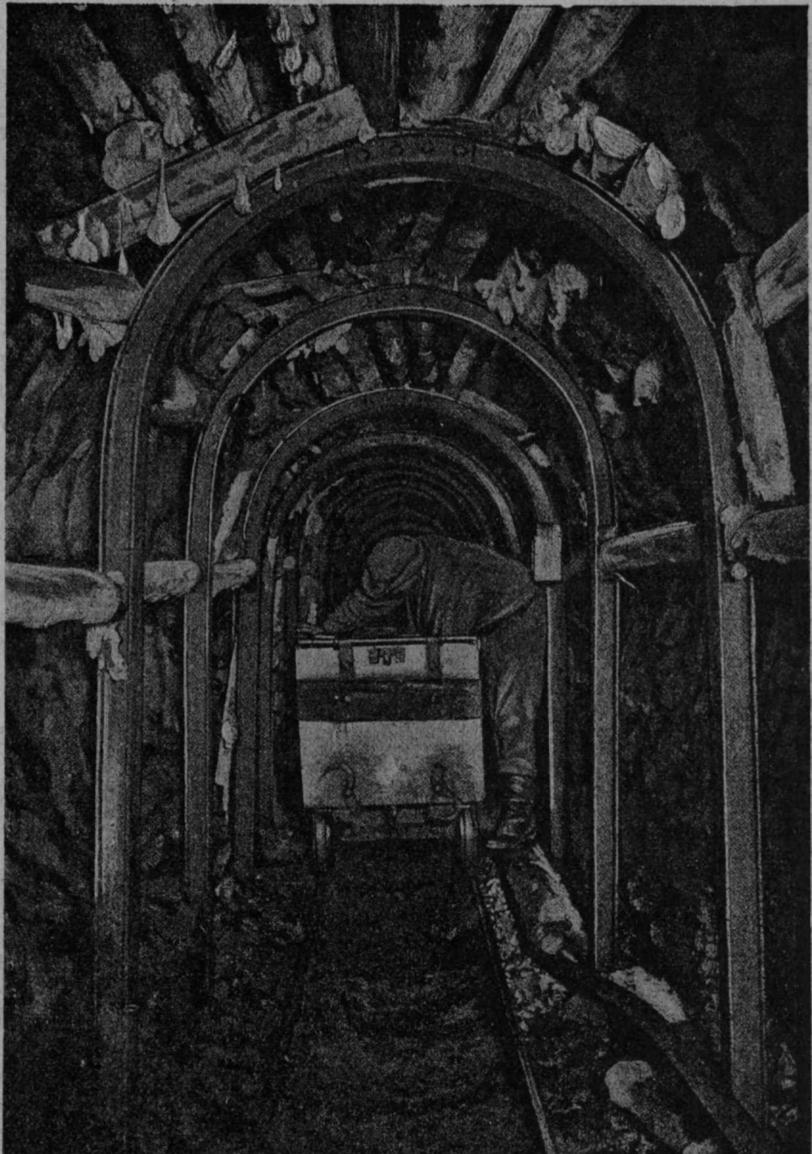
Грише дали лампу и оставили одного.

Сначала его очень угнетали мрак и тишина, тем более, что он был один, но со временем он привык к подземелью.

На своей повседневной работе у дверей он лишь видел, как мимо него вагонщики провозили уголь. Скоро ему захотелось узнать, как выламывают уголь из пластов.

Однажды, сменившись, он не пошел к под'емнику, а направился в противоположное направление, к месту работ. Штрек, по которому он шел, был узенький. В нем была положена только одна колея рельсов, а для того, чтобы вагончики могли итти в обоих направлениях,—груженые в одном, а порожние в другом—были местами устроены расширения и в них раз'езды. Гриша заходил в такие раз'езды, пока мимо него вагонщик, скользя, упираясь ногами и хрипло дыша, с низко опущенной головой, катил вагонетку, толкая ее сзади.

А затем он услышал удары, глухой шорох и шум. Гриша пошел на шум, но сначала его внимание остановила большая куча угля в камере, образованной расширением штрека. Вагонщик грузил из этой кучи уголь в свою вагонетку, накладывая его лопатой.



Откаточный штрек, закрепленный железом.

В верхней части камеры была видна черная щель, шириной около одного метра. Вдруг в щели показался человек, ползущий на четвереньках. Он тащил за собой ящик на железных полозьях, в котором было 200—250 килограмм (12—15 пуд.) угля. Гриша слыхал уже об этой работе,—это, очевидно, был «саночник», оттаскивающий уголь от «забоя» к штреку. Пласт угля в этом месте был толщиной всего в 1 метр, поэтому после его выработки оставалось такое низкое подземелье.

Саночник пополз обратно, и Гриша полез за ним. Он прополз шагов тридцать, узкий проход раздался, и Гриша очутился в низком широком помещении, потолок которого был подперт короткими деревянными стойками. Воздух здесь был полон ламповой копоти, каменноугольной пыли и очень душен. Едва горели лампочки рабочих, освещая подземелье.

Гриша прополз между подпорками и увидел пласт каменного угля. Пласт угля толщиной в 1 метр был зажат между каменными громадами, и отсюда его надо было вырывать.

Вязкий, глухой удар раздался возле Гриши, и в ту же минуту туча угольных осколков обдала ему лицо. Рядом с ним рабочий, лежа на боку перед пластом, ударял в него кайлом с таким расчетом, чтобы подрубить пласт горизонтальной щелью у самого пола. Напряженно повернутая шея и согнутое туловище судорожно содрогались при каждом ударе, а осколки, брызгами вырывавшиеся из-под кайла, обдавали ему лицо, заставляя с каждым ударом жмуриться.

Наконец, рабочий перестал врубать щель, сел, передохнул секунду, взял в стороне железный

клин и стал вгонять тяжелым молотом один клин за другим между пластом и потолком.

Раздался сильный треск, и нависший над врубом пласт тяжело ухнул на пол. Забойщик сейчас же стал его раскалывать на куски поменьше, а саночник—нагружать руками и совком в санки.

Гриша пополз к выходу. Он подумал, что и его отец тоже работает на забойке, и ему стало жалко его. А вдруг падающий пласт задавит его или обвалится потолок, не выдержат крепи, и тятька помрет.

Гришина работа была легче, но и у него над головой вместо неба и солнца была грязная черная скала. Утром он спускался в шахту, вечером после двенадцатичасовой работы выходил на поверхность. И солнце, и день он видел только по воскресеньям.

Через два года после того, как он впервые спустился в шахту, в ней случился взрыв гремучего газа. Погибло много рабочих. Едва не погиб и Гриша.

Шел третий год войны. Шахта «Алмазная» напряженно добывала уголь для нужд промышленности, работавшей на войну.

Двенадцать часов работали шахтеры ежедневно глубоко под землей, без солнца и света, в воздухе, отравленном угольной пылью, вредными газами, выделяющимися из каменного угля, и испарениями человеческих тел, работали в вечной сырости от подземных вод.

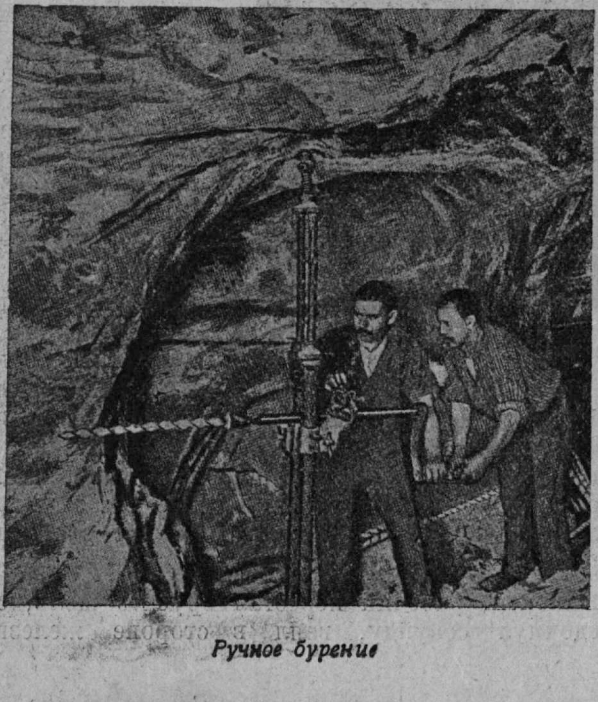
Измученные, возвращались домой в рабочие казармы. В тесноте и грязи отдыхали и спали на общих нарах. Летом—духота; там, где должен помещаться один человек, теснились десять. Зимой, кроме того,—сырость и холод.

Сами про себя говорили шахтеры.

— Нам и в аду жить не страшно.

Так ужасно тяжелы были их труд и жизнь. Постоянно болели они одышкой, вечным упорным кашлем и неизбежным ревматизмом.

Часто слышал Гриша от шахтеров проклятия их жизни, труду, углю, который отравил им легкие. Но Гриша любил уголь,—теперь он знал, что каменный уголь и получаемый из него кокс—это та сила, которая движет промышленность и пути сообщения.



Ручное бурение

С помощью кокса в доменных печах добывают чугун, каменноугольный газ сгорает в сталелитейных (мартеновских) печах, уголь и кокс горят в топках паровых котлов фабрик и заводов, в топках паровозов и пароходов.

Продукты перегонки каменного угля дают людям множество лекарств, масел, красок и т. д.

Поэтому на всем земном шаре, в разных странах, до 7 миллионов углекопов добывают из-под земли огромные количества угля. Гриша гордился своей работой. Одно только поражало его,—почему люди, которые так много делают для блага человечества—углекопы—так тяжело трудятся и так безрадостно живут.

1925-й год.

Если вам придется попасть в «Алмазную» и спуститься в шахту, вы увидите, как работает теперь Гриша.

Врубовая машина движется по длинной цепи, натянутой вдоль забоя, и своими острыми резцами делает узкий вруб, глубиной в целых два метра.

После того, как вруб сделан, забойщики с помощью механических бурильных машин бурят шпуры в угле, заряжают их и вызывают специалиста, штейгера—запальщика.

Запальщик—это Гриша. Придя к заряженному забою и проверив, все ли в порядке, он присоединяет свою ручную электрическую машинку к проводу и пускает по нему ток. Искра, проскочившая в динамите, взрывает его, и огромная масса угля, нависшая над длинным и глубоким врубом, сразу садится вниз.

Нагрузчики накладывают уголь на бесконечную ленту, которая стаскивает уголь в откаточный штрек, где он уже самотеком сыплется в вагонетки.

Врубовая машина, бурильщики и запальщик заменили забойщиков, нагрузчики и бесконечная лента заменили саночников.

Радуется Гриша, глядя на работу машин, но его уже не удовлетворяет работа сжатым воздухом. Случается, шалит воздушный насос, трубы пропускают воздух, и тогда машины хуже работают.

У него есть новый план, по вечерам он обсуждает его с заведующим шахтой и членами производственного бюро.

Они задумали электрифицировать «Алмазную», перевести все машины на обслуживание электрической энергией.

Паровую машину под'емника заменить электромотором, вместо бензиновозов пустить электровозы, поставить электрические вентиляторы и над землей и под землей, дать ток к врубовым и к бурильным машинам, устроить электрическое освещение в шахте, а заодно и в поселке.

Надо повысить добычу угля. И до войны с Германией огромная Россия по добыче угля была на шестом месте после всех значительных стран, а с гражданской войной добыча упала в 6—7 раз. А, ведь, Донбасс—это главный запас угля нашего Союза. До войны здесь добывалось $^3/_4$ всего нашего угля.



Ручная забойка в тонком пласте.

Огромные подземные запасы угля есть у нас в Сибири, но пока они еще слабо разрабатываются, так что Донбасс должен быть вожаком в этом огромном деле.

Есть и сейчас большие трудности в «Алмазной»:

Плохо с жилищами, хотя и строятся один за другим чистенькие каменные домики, рассчитанные на одну только семью, вместо прежних рабочих казарм.

Не очень высоки заработки.

Но какие бы ни были затруднения, теперь они уже не страшны.

Страна получит много угля, благодаря машине, заменяющей рабский труд человека, а шахтер, раскрепощенный от надрывного труда, сможет жить разумной жизнью.

Прежний и нынешний шахтер—два разных человека.

Теперь шахтерская масса об'единена в профессиональный союз горнорабочих, шахтеры читают газеты, отдыхают в рабочих клубах, участвуют в производственных совещаниях.

Для детей и молодежи есть школы, клубы, юношеские организации.

И Гришины дети в свое время не пойдут с десяти лет на каторжную поденную работу.

Наша жизнь

О школе

Начинается новый учебный год, в первой и второй ступени в прошедшем году со школой и пионеротрядами была полная несогласованность: так, очень часто ребятам приходилось уходить с уроков, чтобы не опоздать в отряд, и наоборот. Также при большой нагрузке в огряде пионеры отставали в школе, не успевали учить уроки и т. д.

В предстоящем году надо изжить эту ненормальность. Вожатому отряда нужно обратить внимание на разгрузку ребят, в особенности тех, которые отстают в школе.

Самим пионерам нужно большее внимание уделить школьной учебе, чтобы не забыть лозунг.

«Пионер—первый в школе».

Пионер Б. Айзяков.

Служба здоровья юных пионеров



Врач взвешивает пионера..



Врач измеряет об'ем груди.

Школа среди гор

На Северном Кавказе, на фоне снеговых гор, во главе с великаном Казбеком, расположилось ингушское селение Гамурзиево. Селение большое, есть парт'ячейка, комсомол и пионеры, которые организованы недавно. Есть хорошая изба-клуб, с.-х. техникум, есть, конечно, и мечеть. Около стен мечети прилепилось маленькое, низкое строение — это магометанская школа. Когда мулла заберется на свой минарет и затянет утреннюю молитву, с разных концов селения начнут ребята собираться в школу. Тут мальчики и девочки. У каждого матерчатая сумка через плечо, в ней книжечка. К школе всего один класс—низкая комната с измазанными стенами, маленькими окошечками. В «классе» стоит десяток парт. Вот все школьники собрались. Учителя нет, он пошел на базар, оставив за себя заместителя — старшего из учеников. Рассевшись на партах, ребята начинают читать свои книжки. Они читают вслух и стараются перекричать друг друга. А «заместитель» расхаживает между партами с палкой, и за каждую ошибку ученик получает по ру-

кам, от этого учение вперед не двигается. Ребята читают не поингушски, а по-арабски. Что-ж они читают? Священное писание—Коран, да священные книжки—вот программа школы, и—только. Пришел учитель. Он преспокойно сел около двери, начал лущить семечки и разговаривать с соседями. В классе все так же кричали ребята, и, подходя к школе, можно подумать, что там идет драка. Учение идет на арабском языке, который не применен к жизни совершенно. Родители отпускают своих ребят в школу из религиозного чувства для того, чтобы дети научились читать священные книги. Но, кроме задурманивания и побоев, ребята в школе ничего не получают. Учитель, применяя побои, имеет на это согласие родных, которые готовы все сделать, чтобы «воспитать» из детей хороших мусульман. Женотдел и другие организации здесь бессильны, потому что учитель имеет согласие родителей на побои. Солнце уже высоко, припекает сильно. В школе замолк шум. Ученики расходятся с тем, чтобы еще 2 раза притти в школу. Но сознательность пробилась и в далекие селения Кавказа: большая часть крестьян-горцев отдает своих ребят в с.-х. техникум.

Пикор Б. Козлов

Гор. Владикавказ, Ц. Гор. база ю. п.

ЗМЕИ

Ветер тихо веет
Солнце горячо
Спины наши греет.
Припекло плечо.

Луг, шатрок заветный,
Солнечная высь.
Эх ты, змей газетный,
Выше подымись.

Собрались ребята,
Диво,—а не змей.

— «Ну, и высота-то»
— «Дерни посильней»
— «Ишь, пошел» —«А рожа!»
— «Будто бы живой».

— Слушай, Ванька, может,
Провести домой?
— Что ты, ведь, зацепит
Нитка за костел.

Солнце глаза слепит...
— «Эй, гляди, пошел!»
Подошли крестьяне,
Диву все дались.

В солнечном сияньи
Голоса слились.
Весело, привольно,
На душе светло,
Ну, а солнце больно
Спину припекло.

Пионер Юра Севрук

На выставке



Смех и говор несутся на улицу через открытые двери Ц.Д. Ю. П., где проходит выставка работ отрядов г. Ельца (Орловской губернии). То-и-дело взад и вперед мелькают красные косынки, цветные платочки, а то просто светлые или темные головки ребят. А внутри клуба еще большее движение. Уголки отрядов прямо-таки осаждаются посетителями. Почти каждую минуту в разных местах слышатся замечания:

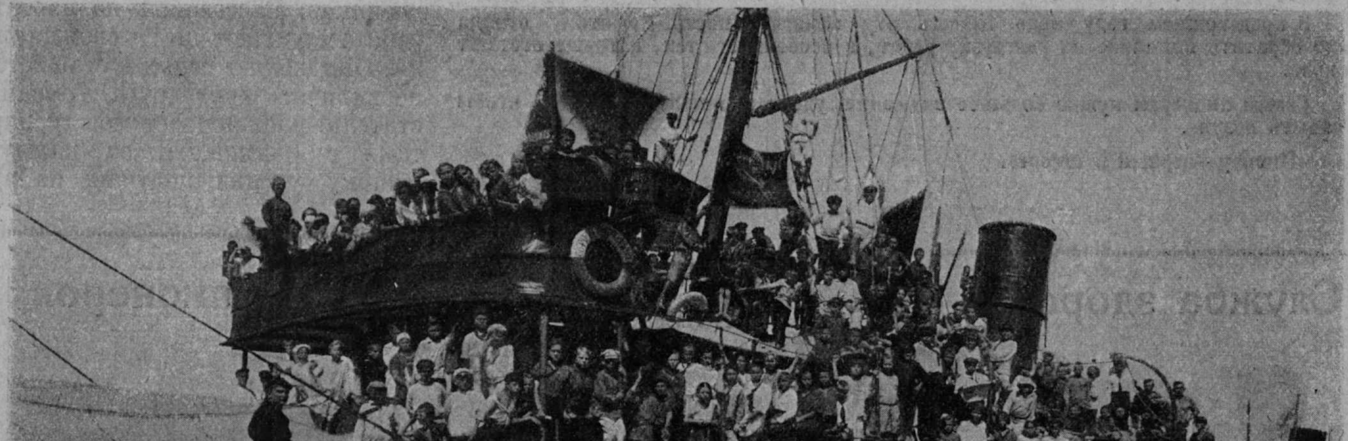
— Вот так газета! Хороша.

— Гляди, коллекция птичьих яичек. Здорово!

— А вот жуков, бабочек и мошек всяких...

— А октябрята что смастерили—кооператив склеили!

Всеобщее внимание приковывает мавзолей Ленина, сделанный столярной мастерской. Но, кро-



Экскурсия пионеров на пароходе.

ме хороших сторон выставки, посетители отмечают и недостатки:

— Что у вас плохо, так это — дежурных мало, да и те, которые есть, не следят за порядком и уходят прежде, чем закрывается выставка.

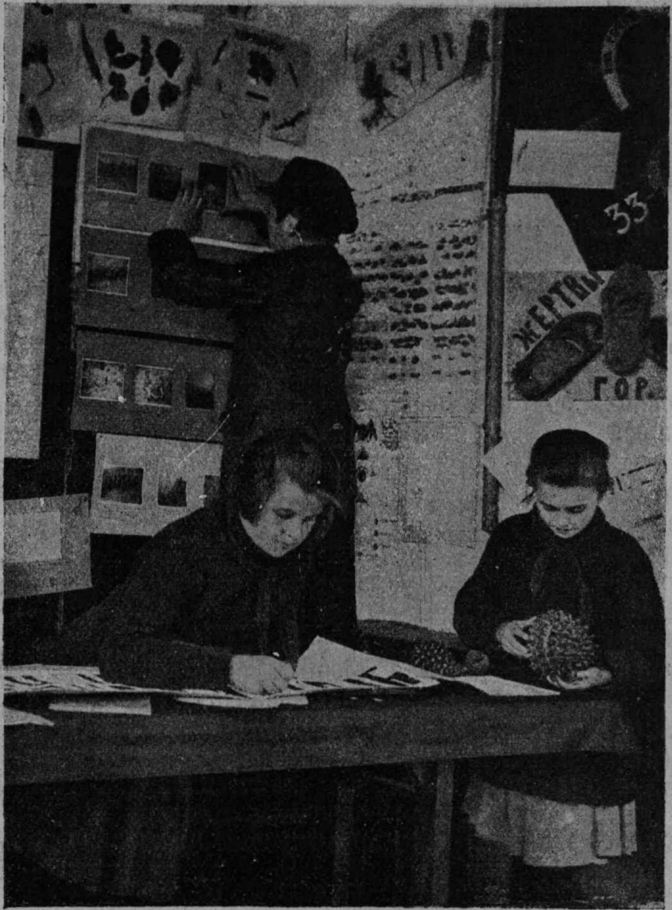
— У вас уголки все по одному примеру. Это оттого, что у каждого отряда отдельный уголок. Вы бы лучше сделали такие уголки: столярный, естественный, художественный, швейный и др. Тогда-б лучше было.

— Что это? Пионеры ваши, что здесь бывают, не дисциплинированы очень. Стыдно, стыдно, ребята!

Все эти замечания, к стыду нашему, вполне справедливы. Но все-таки посетителей на выставке пропасть. Каждый день по 150—200 ч., а открыта она была всю детнеделю. Только один день пропустили, никто из дежурных не пришел. Результаты выставки таковы: пропали почти все экспонаты с огорода одного отряда, и несколько яичек из коллекции. Зато остались три тетради с впечатлениями посетителей, да опыт выставки. Недостатков у нее, конечно, было много, но мы не унываем, так как Ленин сказал, что: «Не ошибается лишь тот, кто ничего не делает».

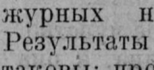
Пионерка С. Гинзберг.

Г. Елец, отряд «Коминтерна».



В отрядном уголке

«Привлекли родителей»



Еще только 3 часа, а пионеров, толпившихся у читальни, полно. Сегодня все возбуждены, везде слышны возгласы, что сегодня родители придут осматривать читальню и выставку, да ребятам нужно хорошо развесить картины, разложить книжки, журналы—говорит пионер Вася. Вошли. Сразу принимаются за работу. Один ставит бюст Ленина, другой поправляет лозунг, и через полчаса все готово. Пока ждут родителей, пионеры берут журналы, книжки и читают.

— Миша,—разносится голос,—возьми путешествие звена «Аэроплан».

— Вася, смотри журнал «П и о н е р», давай прочтем вместе рассказ. Читают. В это время входят родители, сперва их не замечают, потом несколько пионеров вскакивают и идут с ними, об'ясняя по дороге то, что спрашивают родители. Подходят к стене, завешенной картинами, останавливаются перед большим портретом Ленина.

— Этот портрет подарок пионеров, переросших и выбывших из коллектива, а это нарисовала 12- летняя пионерка, как пионеры идут в село.

— А что это за машина?—спрашивает один из родителей.

— Это центробежная, — об'ясняет пионер. Дальше смотрят ряд стенных газет, висящих на стене. Особенно родителям понравилась стенгазета выпущенная к МДН; один даже сказал:—«вот, молодцы ребятки». После осмотра родителями читальни, мы устроили читку, на которой просили остаться родителей, и они с охотой согласились. Прочитали мы очень интересную книжку «Митька Кудряш», после окончания несколько пионеров высказали свое мнение насчет рассказа, и этим мы закончили. На прощанье родители обещали приходить к нам почаще.

Ким Серебряный

Екатеринослав.

Как организовался пионерский отряд в деревне



В воскресенье 16/VIII было первое собрание ребятишек деревни Бутьково, на котором после беседы о пионерах была произведена запись. Всего записалось 13 чел., из которых 10 были мальчики. После собрания мы поиграли и разошлись. Ребята, члены отряда, с этого же дня начали проявлять свое пионерство; так, например, они отказались креститься и старались отвыкать ругаться. Первое часто вызывало скандалы с матерями. На следующем сборе была проведена беседа об Ильиче, его заветах, после чего мы занимались строем и играми. На сборе присутствовали и принимали активное участие в играх и беседах ребята, не записавшиеся в пионеры по запрещению родителей. Уже к концу сбора случилось печальное происшествие.

Мать двух ребят, хотя официально и не числившихся пионерами, но игравших с нами, явилась и отлупила палкой своих детей; при этом она кричала комсомольцам, игравшим с пионерами:

— Антихристовы души вы, сами с пути истинного сошли и дру-



Передача в комсомол

гих совращаете... Они-то, они что, нешто они понимают что делают, им, невинным младенцам, что скажешь, то и послушают.

И она неистово карала «невинных младенцев» за участие в нашей игре...

На 3-ем сборе была зачитана антирелигиозная пьеса, позднее поставленная пионерами к местному престольному празднику. Тут же распределили роли. Затем мы выбрали пом. вожатого отряда (вожатый выделен местной ячейкой РЛКСМ) и санком.

В первых числах сентября отряд уже насчитывал 20 членов, из которых 5 чел. октябрята,— звездочка, наз. «Безбожник» им. Ленина, отряд им. Н. К. Крупской. На звенья мы не разбивались и работали вместе.

Теперь наш отряд уже прочно организовался. имеет шефством болгарскую секцию в Москве.

Пикорка Троцкая.

Учет недостатков.

(Опыт работы)

Однажды перед Международной Детской Неделей на общем сборе важатая говорит:

— Ребята, сейчас давайте сядем и обсудим каждого пионера. Разберем все плохие и хорошие стороны. По-товарищески без стеснений.

— Ну, давайте начнем. Кто там самый первый?.. Коневская. Давай ее сюда! Начинаем высказываться, кто что плохое знает про нее.

Ребята переглянулись. Потом замерли. Никто не решался высказаться. Наконец, одна маленькая пионерка начала:

— Она отделяется от младших ребят.

Тут все как-будто проснулись. Тянут руки. Просят слова.

— Она очень много врет. Вот, например, вчера не пришла на звеновой сбор. Сказала, что мама больна, и уйти нельзя от нее было, а я ее видел на улице.

И пошли, и пошли... Разобрали, что называется, по «косточкам». Все выплыло на чистую воду. Наконец, ребята кончили. Снова заговорила вожатая:

— Ну, а теперь, ребята, давайте найдем и обсудим ее все хорошие стороны.

Снова заговорили ребята.

— У нее товарищеское чувство. Один раз я была голодна, а она пошла, заняла у кого-то деньги и купила мне две булки.

— Она серьезно относится к работе. Все видели, как она работала в хоз. комиссии.

Так «крыли» и «разбирали» каждого. А под конец постановили, чтобы все замеченные недостатки ребят постарались исправить.

Кудряшев Коля

99-й отр. Кр.-Пресни.

СИБИРЬ



О, родина, когда тебя увижу снова?
Когда увижу я твои поля,
Где каждая былинка мне знакома.
Где чудный воздух, теплая земля.

Аит там льется серебристый,
Впадая в воды Иртыша,
А птичек хор в стеблях тенистых
Всегда несется с камыша.

Там лес стоит гигантский, стройный,
Как будто вырос на показ,
А в том лесу тенистом, хвойном
Играл с друзьями я не раз.

И вот теперь в столице новой
Я не могу найти покой,
Мне хочется наш край суровый
Поставить рядышком с Москвой.

КАРЮКИН Павел 13 лет.

Надо жить по-пионерски!

Как-то раз я разговаривал с одним пионером, и он мне рассказывает:

— Если я все расскажу про Соколова, то ему попадет от вожатого.

— За что же?—спрашиваю я.

— Да за то, что он очень плохо ведет себя среди крестьянских ребят, и никто об этом не знает.

— Да почему же,—говорю,—ты это не заявишь? Ему бы это запретили и он исправился.

— Да ну его,—отвечает мне пионер,—сам знаешь, что он—секретарь отряда, и если я докажу про него, то он будет мне мстить и еще выперет из отряда. Не охота с ним связываться,—заключает он.

Вот вам пример. И подобные встречаются часто, создавая совершенно неправильные отношения среди пионеров. Вместо того, чтобы поговорить по-товарищески самому с ним, или сказать об этом вожатому, который бы принял надлежащие меры и исправил его, этот пионер, из-за боязни, что Соколов будет мстить, скрывает его слабые стороны и этим самым позволяет ему еще больше впадать в ошибки.

Кроме этого, надо еще заметить еще очень важную черту, имеющуюся среди пионеров.

Когда происходит собрание отряда, то многие пионеры молчат и часто не говорят о тех вопросах и сомнениях, которые они хранят в это время в душе. А стоит им только собраться кучкой на улице и сразу услышишь обвинение одного пионера на другого, укоры, оправдания, словом—все какие есть только спорные вопросы или междоусобные неприятности среди пионеров, — все это имеет место не на общем собрании, где бы все разрешилось скоро и хорошо. Нет. Все это выносится на улицу, где возникают споры, ссоры и крики. Это, товарищи не по-пионерски... И от этого нам надо отвыкать. Каждый отряд устраивает общие собрания, которые и служат для того, чтобы в порядке дисциплины обсудить все те назревшие вопросы, какие только имеются у пионеров, даже частного характера.

Дальше. Редко в каких отрядах пионеры спаяны и дружны. В большинстве же можно наблюдать такую картину. Идут пионерские занятия, ребята меж собой дружны, как-будто. Но как только занятия окончились, сразу появились отделяющиеся группы в 2—3 человека.

Никаких отделяющихся компаний быть не может. Пионеры не должны раскалываться на части, а должны представлять одно крепкое спаянное дружное ядро.

Третий закон должен проводиться полностью. Только с хорошей спайкой и товарищеской дружбой мы можем проводить заветы Ильича.

Пионер Анатолий Попов

(Ст. Анна Юго-Восточ. жел. дор.).



Пионеры г. Луганска дают торжественное обещание в Международный Юношеский День.



Актан

КОНЬКИ

Самодельные коньки.

Сделать самому настоящие коньки очень трудно. Пожалуй, могут попытаться только фабзайчата-металлисты. Но подобие коньков, за неимением других возможностей, можно соорудить. Я привожу здесь описание только одного образца, который чаще всего встречается у ребятишек.

До начала работы надо заготовить материал и инструмент. Материал—это хорошее березовое полено без суков, поларшина крепкой проволоки и кусок полосового железа длиной в $^3/_4$ аршина. Инструмент нужен: пила, топор или стамеска, бурав или сверло и нож. Когда все налицо, приступаем к работе.

Отпилим от полена два куска по длине ступни в ботинке или в валенке. Каждый из кусков надо обработать так, чтобы одна сторона куска (к носу) была уже, и снизу лишняя древесина снята. Для этого надо осторожно топором стесать один край (см. рис.) и ножом или, лучше, стамеской вырезать по бокам чурка углубления. Нижнюю часть пропилить пилой на такую глубину, чтоб полоса железа входила туда и выступала на полсантиметра, образуя подреза. Когда оба чурка будут обработаны, железную полосу надо перегнуть пополам несколько раз и, переломив, хорошенько выпрямить, ударяя по ней обухом топора или молотком. Если есть рашпиль или напильник, хорошо передний край закруглить снизу. Затем в чурках у верхнего края пропила, куда будет вставлена железная полоса, отступая от носа и пятки конька, просверлить по дырочке буравчиком. Вставив в прорез железную полосу, буравчиком же надо отметить на полосе, где приходится отверстие. Вынув полосу, надо пробить в ней на намеченных местах дырки гвоздем или высверлить. Теперь вставим железные полоски окончательно на место, и в дырки загоним по гвоздю, загнув острый конец. Железки должны крепко держаться, не шатаясь на деревяшках. Остается



устроить прикрепления, и коньки готовы. В верхней части деревяшек надо просверлить по две дырочки, у носа, там, где приходится под'ем ноги, и под пяткой. В дырочки продеть проволоку, закрутив с одной стороны так, чтоб с обеих сторон оставались петли, в которые при надевании конька на ногу будут вставляться ремни или веревка. Вот и все. Коньки неуклюжие, но зато сделаны своими руками. Работая аккуратно, можно сделать коньки очень хорошо. При подыскании материала, старайтесь найти железо пошире, в 4—5 миллиметров. Внимательнее сверлите, чтоб не треснуло дерево. Чем спокойнее работа, без спешки, тем лучше будут коньки, тем вернее будет обеспечен успех.

Первые шаги по льду.

Многие новички, еще не стоявшие на льду, храбро заявляют: «моментально выучусь», «сразу поеду», но стоит им стать на лед, как они становятся жалкими и храбрые заявления кажутся им самим же преждевременными. С каждым новым падением приходит отчаяние. «Неужели я никогда не выучусь». Новичку кажется, что вот, вот лед ускользнет из-под ног и он часто падает даже стоя на одном месте. Падения на льду часто связаны с сильными ушибами локтя, колен и очень опасными ушибами затылка. Я советовал бы для предохранения от ушибов новичкам надевать одежду потолще (длинное ватное пальто), на голову ватную шапку или, лучше башлык.

Если вы решили выучится кататься, то, во-первых, бросьте страх. Выкиньте из головы боязнь «Вот, вот упаду, расшибусь». Храбро встаньте на лед. Не рас-

ставляйте широко ног. Согните чуть корпус вперед и начинайте двигать ногами, не поднимая их от льда. Левой, правой, и так далее, не останавливаясь. Двигайте храбро и вы скоро поедете. Упадете, неважно. Встаньте, отряхнитесь и снова поезжайте вперед. Некоторые советуют начинать с хождения, т.-е. подымания ног, но это более опасный метод. Пока вы не выучились стоять крепко на льду, не подымайте ног. На одной ноге труднее удержаться. Если вам удалось постичь простейшее передвижение по льду, будьте храбрей, начинайте, подражая опытным конькобежцам, отталкиваться от льда, попеременно то одной, то другой ногой. Научитесь кататься хорошо вперед, потом назад, тормозить и быстро останавливаться, тогда вы станете конькобежцем и можете начинать играть на льду, делать фигуры, бегать на скорость, развивая дыхание и укрепляя легкие.

Как делать фигуры и играть на льду.

Когда вы уверенно стоите на льду на коньках, то нетрудно поднять одну ногу и ехать на другой. Нагнув корпус в сторону, вы повернете туда же. Для того, чтобы делать фигуры, надо выучиться делать круги на одной и другой ногах. Когда вы будете уметь делать круги, вам кто-нибудь из конькобежцев покажет голландский шаг. Все фигуры делаются первоначальным толчком о лед, наклоном тела, выброском ноги и вращением корпуса до тех пор, пока есть инерция и сила в мышцах. Учиться делать фигуры надо, конечно, под руководством опытного фигуриста.

Но пионер не может довольствоваться только тем, что в одиночку «гарцовать» на коньках, собирайте окружающих ребят и затевайте какую - нибудь обычную игру. Все известные вам игры: эстафета, салки, мяч в воздухе, день и ночь (и почти все другие) на коньках превращаются в игры удивительно интересные, захватывающие всех волной веселого смеха. Подобные игры на свежем воздухе—бездонный источник здоровья и отличный отдых от умственной работы.

Но «фланировать» по катку, куда приятнее, когда ты перед этим на славу поработал для своего катка, когда не чувствуешь себя дармоедом.

Устройство катка—важная работа. Важная тем, что на ней можно учиться—как работать коллективно. Если в детстве вы сумели организоваться для постройки катка, то в будущем вы, наверное, сумеете организовать завод или фабрику, в качестве красного директора. Вот чему можно учиться на такой простой работе.

Надо набросать план строительства катка и затем приступить к работе дружно, коллективно. Выбранное место хорошенько утоптать и слегка полить из лейки водой. Через день от этого на снегу образуется шероховатая ледяная корочка, которая уже не будет пропускать воду (а снег «ее впитывает»). Вторичная поливка дает гладкую ледяную поверхность. Дело облегчается тем, где есть река или пруд (опасайтесь провалиться, если еще не было сильных морозов)—остается расчистить лед и настроить снежных фигур (напр.: «Керзон сел в галошу») и в середине катка на мачту поднять флаг.

По льду можно кататься с парусом.

Наша зима продолжается долгие пять-шесть месяцев. Отряд пионеров за это время всегда успеет расчистить большой пруд или реку, находящуюся поблизости. Иногда бывают сильные ветры, которые сметают снег со льда на больших протяжениях. Если ваша река покрылась в этом году ровным льдом (что не всегда бывает) попробуйте покататься на парусе. Тот, кто испытает этот фокус, наверно, останется доволен.



Дело за парусом. Парус можно соорудить из простыни или вообще какого-нибудь куска материи, но лучше всего подойдет полотнище от красноармейской палатки. Юные ленинцы, летом жившие в лагере, в палатках, должны знать о полотнище. Этот прямоугольный кусок брезента, цвета хаки, сшитый из двух половин. Края полотнища подрублены и в них проделаны дырки, в которые продевается веревка. По углам имеются круглые отверстия, подшитые кожей. Вот такое полотнище красноармейской палатки нам и нужно. Надо достать две палки такой длины, чтобы они хватали от одного угла развернутого полотнища до другого, крест на крест. Края этих палок привязываются к полотнищу. В середине палки связываются, чтобы не расходились. Для того, чтобы парус не складывался, то, чуть, отступя от конца на палках делаются зарубки и по двум сторонам их стягивают между собой веревками. От середины палок через центр укрепляется ремень, которым парус будет удерживаться, надеваясь через плечо. Такое сооружение займет не больше 20—30 минут. Надевайте коньки и отправляйтесь на лед. Первый же порыв ветра начнет вырывать из рук парус. Становитесь спиной к ветру, надевайте через плечо ремень и поезжайте. Наверно, ветер будет тащить вас не туда, куда надо. Учитесь управлять своим парусом. Можно ездить и против ветра. Если ветер будет сбоку, по длине катка, то встаньте по направлению, куда вы хотели бы ехать, и притяните к себе один из углов паруса. Меняя угол наклона паруса к ветру, можно зигзагами ехать и против ветра. Тренируйтесь, и вы убедитесь в том, что можно делать любые движения, пользуясь ветром.

В Америке, в Сев. Штатах, на больших озерах, которые часто замерзают без снега, устраиваются гонки на скорость. Надо уметь пользоваться ветром, и те, кто усвоил, как ловить ветер, выигрывают. Будущие моряки, юные ленинцы, должны обязательно попробовать покататься с парусом. Сделать парус нетрудно, но зато сколько удовольствия, когда ветер потащит по гладкому льду.

ОТГАДАЙ!

РЕБУС-ШАРАДА пионера С. ФИЛЬКОВА.

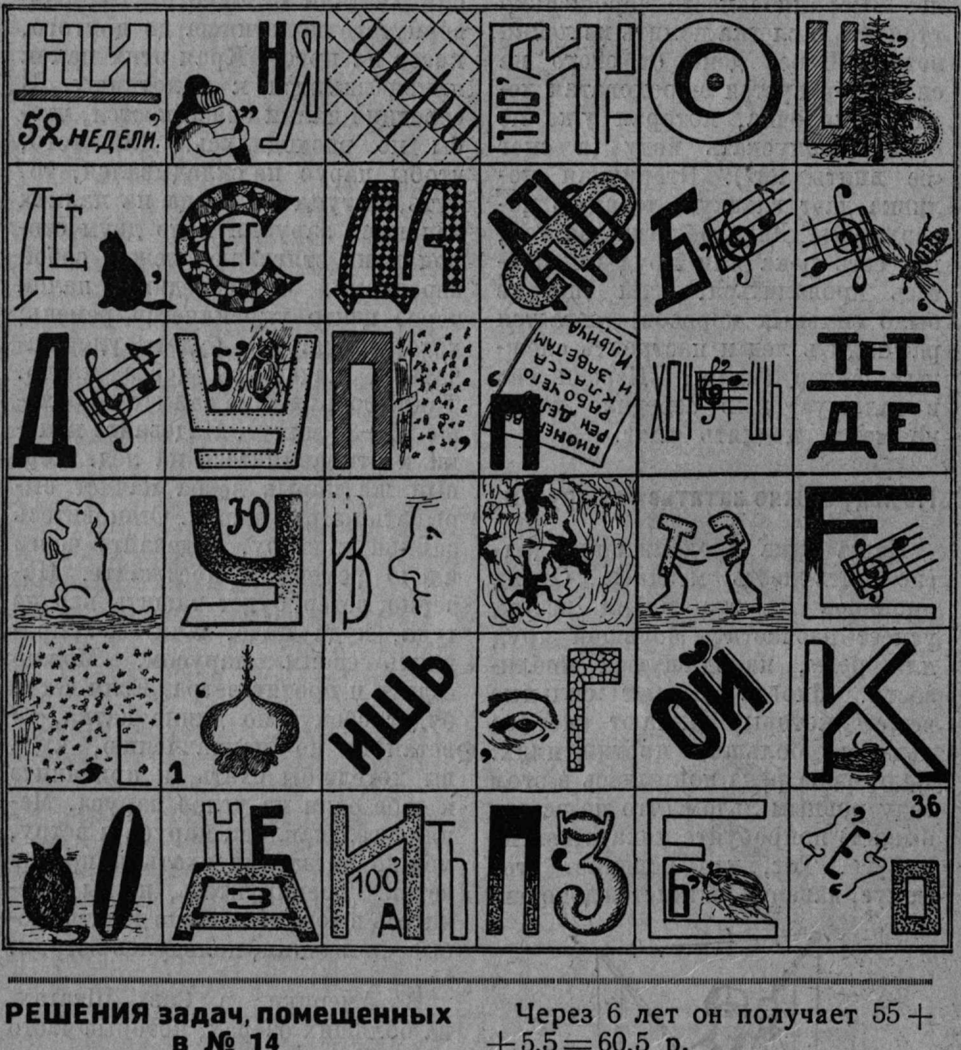
Шахматная тура ходит по прямой линии вверх, вниз и в сторону. Передвигаться она может на любую клетку в указанном направлении.

Например, с клетки с буквами «да» она может ходить на любую клетку как в горизонтальном, так и вертикальном направлении.

Чтобы прочитать ребус ходом туры, надо разгадать картины каждой клетки, а потом уже будет ясно видно, как надо ходить.

Так как такой ребус мы даем первый раз, то для облегчения в ребусе указана первая и последняя клетка хода.

Чтобы легче было запомнить разгаданные клетки, расчертите такой же квадрат с клетками на бумаге, а затем записывайте разгаданную клетку в соответствующее место. Когда вы заполните, таким образом, все клетки, тогда легко сможете найти и направление хода туры.



РЕШЕНИЯ задач, помещенных в № 14

Задача № 3

Сейчас отец Пети получает 50 р. Через 3 года он получает 50 + + 5 = 55 р.

Через 6 лет он получает 55 + + 5,5 = 60,5 р.

Через 9 лет он получает 60,5 + + 6,05 = 66,55 р.

Через 12 л. он получает 66,55 + + 6,655 = 73,205 р.

Через 15 л. он получает 73,205 + + 7,3205 = 80,5255 р., т.-е., откидывая доли копеек—80 р. 53 к.

Ребус

Мыс + ме на уста (х) + в ш ми + + бор + цам.

„Мы смена уставшим борцам“.

Шуточные вопросы

1) Ми-ля. 2) мышь-як. 3) Село-Осел. 4) Гиена-Гигиена.

РЕШЕНИЯ задач, помещенных в № 15

Задача звезд

Фигура состоит из трех звезд, на концах которых читаются фамилии: Ленин, Маркс и Рыков.

Магический квадрат

23	35	14
13	25	34
36	12	24

Шарада

Лен (а)—ин (д)—Ленин.

Шуточные вопросы

1) Смена. 2) Время. 3) Куб-бук.

Ребус

мчи + е + кит + о + мич + наров в + нас си + лен + д + ух (о) + + бор + пов.

„Мы дети коммунаров в нас силен дух борцов“.

Правильные решения задач, помещенных в №№ 14 и 15, прислали:

Амосова Ел., Бернштейн Б., Булак Е., Борбицкий К., Былевский А., Волков Л., Гольдштейн Ш. и А., Дмитриев, Иванов, И., Ионов Ш., Калфаян В., Кошкин Н., Лещинская Ж., Луховцева, Матвеев В., Мазо И., Пименов, Помецко П., Поповы А. и З., Попов В., Прядильщиков В., Прушинский В., Пионеры 105 отр. Моск. уез., Орестов С., Оглоблин, Росливкер Б., Рейзман С., Тужиков, Титкова, Сампсоновы А. и Г., Страхов Н., Смышляев А., Степанов Г., Сысоев Б., Федоров Ф., Феркер П., Фалин П., Ходоров А.

Ионову Ш. На открытках как задачи, так и решения присылать можно, только писать надо разборчивее.

РЕДКОЛЛЕГИЯ: *А. Волков, Х. Добин, В. Зорин, Н. Крупская, Е. Теремякина.*

ОТВ. РЕДАКТОР *Х. ДОБИН*

Главлит № 47164 5-я тип. „Транспечати“ НКПС „Пролетарское Слово“, Южный пер., д. 4. Тираж 30.000.

ряд должен добиться массовой спайки с комсомольской ячейкой. Часто комсомольцы устраивают такие вечера, экскурсии, чтения, на которых пионерам очень важно присутствовать. В комсомольской ячейке есть целый ряд работ, как, например, украшение клуба, приведение комсомольской библиотечки в порядок и др., которые пионеры могут хорошо выполнить. Вот на такую работу пионеры должны обращать внимание, имея в совете отряда план этой работы, ее ежедневно проводить.

Повседневно связываясь, готовиться в комсомол

Участвуя ежедневно в жизни комсомольской ячейки, зная задачи комсомола, пионер постепенно подготовляется к переходу в комсомол, но нужно еще, чтобы каждый пионер перед вступлением в комсомол ясно себе представил ту организацию, куда он вступает и те задачи, которые себе эта организация ставит. Для этого мало только знать комсомольцев, помогать в работе ячейки, присутствовать на собраниях, нужно и самому упорно, кропотливо узнавать о жизни комсомола из газет, журналов и комсомольской литературы, нужно знать историю комсомольской организации.

Только тогда каждый пионер, пройдя школу пионерской работы, будет действительно достоин получить маленький билетик, на котором написано: Российский Ленинский Коммунистический Союз Молодежи.

Я. Смоляров.

ОТВЕТЫ НА СТИХИ

Многие, присылая стихи, спрашивают: стоит ли заниматься литературой, могу ли я писать?

Конечно, писать может каждый, но для того, чтобы быть писателем или поэтом, нужно иметь талант. Нельзя сейчас смотреть на свое писание, как на главное в жизни.

— Моя единственная мечта—быть писателем,—заявляют некоторые и ничего не хотят изучать, ничего не хотят делать, кроме писания стихов.

Это ошибка. Не нужно увлекаться, если ты даже написал несколько хороших стихов. Нужно учиться, выбирать себе определенную профессию,—простого слесаря на заводе или инженера—все равно, если есть талант, то он пробьется.

Стихи для нас—те же пикорские заметки. Некоторые написаны плохо, коряво, некоторые с большим уменьем, и вот эти более удавшиеся опыты мы печатаем.

Из всех просмотренных стихов годны к печати: «Родина» — П. Карюкина, «Отрядный сбор»—А. Неганова, «Змей»—Юры Севрука, «Радио-зайченок»—Харика, «За учебу»—С. Ходыко и «Новый Ленинец»—Сечко М.

Остальные стихи имеют много недостатков.

Стихи Георгия Мартынова, В. Сыроваткина, А. Гердзюнова, Ольги Журавлевой, М. Кацнельсон, Ларисы Горюновой, А. Пеина, В. Смирнова, М. Рудина, Бори Вургафта, Звенкор № 1, Б. Гусина, Вожатого Яши и Б. Мельникова написаны неумело, не имеют рифмы (одинаковых окончаний), незвучны и вязнут на зубах. Например:

«Агитируют же пусть
Все попы с амвонов.
В нашей рати все равно
Много будет миллионов».
(М. Рудин).

Или вот строфы из стихотворения Б. Мельникова «Везде наши отряды»:
«Он руку протянул нам с Запада давно
Чтоб мы, сплотившись вместе,
Вели бы бой бескровный со врагом
И исполнять на факте прилив мести».

Правда, неумело, первые потуги; надо проработать еще и поучиться, у других не лучше.

Неудачны и песенки Л. Монина и Евгения Маслова на старые мотивы, а Мещеряков целиком подражает Маяковскому:

«И ты, Муссолини,
Держись
Обоих вас к стенке поставим.
—Там посмей встать
На нашей дороге широкой.
Не бывать,
Не бывать,
Не бывать
Преград комсомольскому оку!»

Некоторые, как Володя Калфаян, Глейберзон—пытаются давать новые пионерские песенки, но они поверхностны и еще недостойны войти в жизнь, как вошли «Взвейтесь кострами», «Кузнецы» и другие, поэтому печатать их не стоит.

Частенько ребята увлекаются самым легким и ненужным, рифмуют общие фразы и лозунги, по поводу праздников, детнедели или под заголовком «Наш призыв», «Эй, в пионеры» Например:

«...Мы будущие строители
Рабочих дети, крестьян,
Мы юные победители.
За власть рабочих!
Долой дворян!»
(В. Смирнов).

Ничего эти фразы нового не говорят и читать их никому неинтересно. Тому же подвержены и А. Соболев, М. Золоев, А. Лунякин, Махнач и Трус (стих. «Детям пролетариата»), А. Федотова, М. Рудин, В. Гусин и пионерка Эхо.

Любят ребята описывать природу: Во время грозы» пишет Househ Стернин, «В лесу», «Волга осенью» — Сергей Южин, «Весна»—Павел Карюкин, «Гроза»—Ваня Поляков. Но все эти стихи мало выражают то, что хотели бы сказать их авторы. Хорошо, что ребята берут эти темы. Как молодой художник должен учиться рисовать с натуры, так и начинающий писать стихи.

Збарский пытается передать труд: «Работа в кузнице»:

«С шумом падает молот,
Ударяясь о звонкую сталь,
На востоке уж солнце восходит,
Освещая лазурную даль».

Слабо. Сразу видно — «Сталь-даль» подгоняет рифму. «Уж солнце»—тоже нехорошо. Ужи черные и зачем их связывать с солнцем.

То же получается у Карюкина (стих. «Кузнец»), у Фомина («Рыбак»).

Ошибка И. Башкатова, А. Соболева и опять С. Южина в том, что они пишут очень отвлеченно, иносказательно, сразу не догадаешься о чем, — это одним им известно.

Вроде того:

«Черные с белыми жуки
Жужжат своей смертью повсюду,
Кровавые жизни—их дни сочтены,
Смерть позорная их ждет повсюду.
Над их могилою будет сиять
Счастливое красное солнце».

Наконец, догадаешься, что это просто-напросто—всем, кто держится старого мира—придет капут.

Или А. Соболев пишет о школе:

«О, школа—источник ты знаний,
Ты заменяешь родную, ведь, мать!»

Тоже отвлеченность. Так писать не следует. Надо проще и ближе к жизни.

П. Добрынин, С. Кирьянов, С. Джелю и Мих. Сечко дают в стихах картинки пионерской жизни, но слишком поверхностно.

Некоторые из них, наиболее яркие, мы помещаем.

Присланные В. Заенцевым, Ген. Петровым и Ник. Карасевым длиннейшие описания в стихах пионерской жизни, лагерей — громоздки и скучны. Могут быть интересны только в своем отряде.

Цена 30 коп.

ЧИТАЙ



ПИОНЕР!